

Современное российское село: на переломе эпох и реформ. Опыт институционального анализа

А.Г. ЭФЕНДИЕВ, И.А. БОЛОТИНА

Статья основывается на результатах конкретно-социологических исследований жителей сел Белгородской области, их жизненного уровня и источников благосостояния, мотиваций, установок, нравов повседневной жизни. На основе эмпирических фактов о различных сторонах жизни современного российского общества авторы попытались проанализировать тенденции, проблемы, успехи и неудачи современной трансформации системы социальных институтов российского общества. С этой целью материал представлен под углом зрения институциональной методологии, в связи с чем акцент делается на описании ряда наиболее элементарных, устойчивых образцов поведения, ролевых экспектаций, которые в немалой степени определяют основу институциональной структуры российского села и, более широко, — российского общества.

Проведенный анализ помогает выявить некоторые основные тенденции (закономерности) институциональных изменений социальной жизни, которые, по мнению авторов, предполагают учитывать в теории и практике управления институциональными изменениями российского общества.

Общесоциологическое введение

Глубокие преобразования российского общества, протекающие крайне трудно и противоречиво, имеют неоднозначные результаты, далекие от ожидаемых. «Хотели как лучше, а получилось как всегда». Случайно брошенная фраза оказалась достаточно точной и емкой характеристикой расхождения замысла и онтологических результатов проводимых за последние десятилетие реформ. Причем «вышло как всегда» не только и не столько констатация неудовлетворенности результатами. Для социолога это свидетельство того, что первоосновы социальной жизни, характерные для нашего общества стандарты повседневного поведения все равно пробиваются наружу сквозь новые демократические и рыночные формы социальной жизни, подчас придавая последним уродливые очертания.

Нередко реформы проводятся без достаточно ясных и конкретных представлений о социальной реальности, об устойчивых образцах поведения, пред-

почтениях, ролевых стандартах каждодневной практической жизни, из которых, по сути, и соткана социальная реальность. Подчас имеет место некоторый волюнтаризм, когда реформатор убежден, что можно изменить все и вся, когда реформы проводятся путем умозрительного перебора рациональных экономических схем, которые кажутся наиболее логически убедительными. Постепенно, но неуклонно в результате ощутимых неудач и даже потерь, регресса приходит определенная осмотрительность в осуществлении преобразований общества, которые безусловно необходимы.

Процессы, происходящие в России (да и в современном мире), бросают вызов социологической науке. Ведь попытки понять причины проблем, разработать адекватную российской реальности стратегию преобразования требуют серьезного теоретического поиска.

Особое значение именно в контексте поставленной проблемы (расхождение замыслов реформ и онтологических результатов) имеет реализация *институциональной методологии*, в центре внимания которой находятся социальные институты как исторически закрепленные, регулярные, самовозобновляющиеся системы социальных взаимодействий. Благодаря своей устойчивости, самовозобновляемости эти институты обеспечивают достаточно высокую степень предсказуемости поведения партнеров, способствуют уменьшению неопределенности во взаимодействиях, выступая «фабриками» (по словам Спенсера) социального. Главным культурно-символическим инструментом функционирования социальных институтов являются нормы — четко зафиксированные деиндивидуализированные стандарты поведения, которые воплощаются в жизнь благодаря сложноорганизованной системе и подкрепляются в том числе санкциями. Единство деиндивидуализированности, нормативности и практической системы поддержания и реализации норм, включающей санкции, придает институциональным взаимодействиям не только устойчивость, самовозобновляемость, но и определенную неодолимость.

Институты шире и глубже норм, которыми они регулируются. Поэтому в корне неверно сводить институты к системе норм. В реальной социальной жизни институты — это устойчивые, самовозобновляемые практики социальных взаимодействий. Именно практическая отягощенность норм как инструментов институализации делает их (вообще-то чисто символически-культурный феномен) достаточно устойчивыми, жесткими. Даже в тех случаях, когда кто-то захочет изменить норму, реальное изменение произойдет не тогда, когда оно будет провозглашено, а когда участники институциональных взаимодействий сочтут возможным и необходимым отказаться от старой практики, знакомого до деталей, гарантирующего предсказуемость старого порядка вещей. А до тех пор реально будет действовать старая норма, уже знакомая и надежная. Между провозглашением новой нормы и ее практическим утверждением — огромная, часто непреодолимая дистанция.

Поэтому анализ институтов позволяет не только осмыслить сложившуюся социальную структуру как во многом воспроизводимую «из поколения в поколение» систему предуждений, которые для каждого поколения являются данностью, и оно вынуждено встраиваться в нее, но и понять определенную инерционность общества, сопротивление его инновациям. Более того, институциональный подход позволяет конкретно-казуально (а не абстрактно-мистически)

объяснить объективное в социальной жизни как порядок вещей, который не зависит от одного конкретного человека, от данного поколения людей, и тем самым объяснить культурно-историческую природу, (пред)определенность социальных явлений, коренящуюся в воспроизводимости определенных уровней, норм и т. д. Именно институты связывают прошлое с настоящим и будущим» ...«настоящее и будущее связаны с прошлым непрерывностью институтов» [Норт 1997, с. 12, 151].

Институциональная методология, осмысливая общественные порядки как коллективное творчество людей, объясняет условия, при которых возможны изменения, их сложность и драматизм. Но развитие в этом случае предстает не как линейный перманентный, непрерывный процесс. Новые порядки, институализируясь, затем приобретают устойчивость и поэтому способны сопротивляться последующим инновациям. Люди не ежедневно и не ежечасно меняют порядки. В истории есть достаточно редкие периоды коренных институциональных изменений, однако возникающие вновь институты затем длительное время остаются относительно постоянными, подвергаясь лишь количественным, периферийным изменениям.

В отечественной общественной науке в последние годы появилось немало публикаций, в которых в различной плоскости ставится проблема учета своеобразия институтов российского общества при проведении реформ. Отметим, в частности, работы Р.Н. Нуреева, Т.И. Заславской, С.Г. Кирдиной, А. Олейника.

К сожалению, институциональный анализ социальной жизни делает в нашей науке лишь первые шаги. Мы не станем здесь рассматривать общесоциологические вопросы теории социальных институтов — это предмет специального обсуждения. Некоторые принципиальные подходы к этой проблеме мы уже излагали раньше [Эфендиев 2000, с. 214—270].

Мы хотели бы обратить внимание на ряд теоретических проблем в постижении и трактовке институционализма, которые проявляются в ходе научного осмысления современного российского общества, возможных путей его развития.

I. На наш взгляд, имеет место некоторое упрощение в понимании институтов, а это, в свою очередь, порождает несколько облегченное понимание их изменений, трансформации. Так, справедливо указывая на возможность изменения институтов, на то, что их нельзя рассматривать как абсолютно застывшие, неподвижные образования, некоторые авторы недооценивают их консерватизм, огромную инерционность [Шабанова 2001, Ядов 1999]. Механизмы социальных взаимодействий, базирующиеся на устойчивой предсказуемости поведения партнеров, без чего невозможна устойчивая социальная кооперация индивидов, порождают, с одной стороны, надежность, уверенность в социальных взаимоотношениях, а с другой стороны, оборачиваются инерционностью, консерватизмом социальных институтов.

Являясь сторонниками активистской методологии, признавая институты как детища людей, их коллективной творческой активности, мы вместе с тем обращаем внимание на ощутимый консерватизм институтов. При этом та легкость, с которой издаются законы, вводятся новые юридические институты, не должна создавать иллюзии, что тем самым изменяют институализированные первоосновы общества [Эфендиев 2000, с. 243—270].

II. В связи с вышеизложенным необходимо поставить важный вопрос о соотношении организационных (правовых) форм и реального социокультурного содержания институциональных взаимодействий. В его решении мы склоняемся к тому, что внедрение и использование (в том числе заимствование) организационно-правовых форм институтов (частная собственность, конкуренция, рынок, парламентаризм и пр.), лишь устанавливающих некие внешние (формальные) рамки, которые всегда наполняются определенным реальным социокультурным содержанием, рутинной повседневных стандартов поведения, ролевых ожиданий, предпочтений.

Конечно, установление новых организационно-правовых регламентов влечет за собой определенные изменения, прежде всего взаимоотношений социальных акторов, но это еще не гарантирует того, что в результате произойдет изменение содержания практического повседневного поведения: этических норм взаимоотношений, представлений о том, что признается допустимым, как добиться успеха, как строить бизнес, карьеру ориентируясь на свои способности, достижения или на связи, административный ресурс, блат, взятки и т. д.

Поэтому, на наш взгляд, в современной России, которая столкнулась с очередной проблемой (неудачей) внедрения эффективной системы институтов, становится востребованным научно-социологический анализ, в первую очередь наиболее глубинных устойчиво-институализированных элементов социальной жизни: норм, ролевых экспектаций, прецедентов, представлений о желательном, привычном порядке вещей, которые определяют мотивации повседневной деятельности, ежедневно воспроизводятся в рутине социальной практики. Это — самые элементарные, социально-атомарные, далее несводимые, устойчивые связи внутренней организации того или иного общества. Именно при таком «базисном» подходе социологи получают возможность понять устойчивую, возобновляемую, т. е. *институциональную первооснову* (институциональную структуру) того или иного общества.

Устойчивое, возобновляемое содержание повседневного поведения и определяет, по нашему мнению, качественное своеобразие и природу институтов, их социально-исторический тип. Какие бы юридически-правовые формы социальных взаимодействий ни использовало общество, какие бы универсальные законы и правила ни вводило, оно не может стать современным, активно-достижительным, если на социально-атомарном уровне, на уровне повседневных социальных взаимодействий процветают блат, кумовство, местничество, коррупция и т. д. Природа, социально-исторический тип институтов определяются не только и не столько тем, имеются ли в обществе юридически-правовые институты президентства, частной собственности, конкуренции, а тем, какие социальные экспектации, говоря словами М. Вебера «ориентации на другого», приличия, стандарты повседневного поведения наполняют рутинным содержанием эти формы. (Неслучайно осуществляется разведение права и правоприменительной практики.)

На социальном пространстве СНГ явственно обнаруживается, как традиционалистские представления о власти, ролевые матрицы властитель—опекаемый, наполняют вполне определенной практикой формы института президентства. Возникает постоянное стремление властей предрержащих продлить сроки своего президентства, стать пожизненным президентом, назначить себе преем-

Современное российское село...

ника, сохранить власть за семьей (кланом) и т. д. Причем так себя ведет не только обладающий властью, но и население, которое рассматривает такой тип поведения как ожидаемый, допустимый.

Это касается и конкуренции, которая наполняется вне- (если не сказать анти-) рыночным, вне- (анти-) демократическим содержанием в практических взаимоотношениях субъектов на экономическом и политическом поле.

И в этом отношении авторы, которые «вдруг» обнаруживают, что в постсоветской России неформально-экслюзивные механизмы берут верх над формально-утвержденными, сами того не замечают, что это из-под личины новых форм наружу вылезает определенное качественное своеобразие социальных институтов, уходящее корнями в социально-атомарный уровень организации общества.

«Хотя формальные правила можно изменить за одну ночь путем принятия политических и юридических решений, неформальные ограничения, воплощенные в обычаях, традициях, кодексах поведения, гораздо менее восприимчивы к сознательным человеческим усилиям...» Именно поэтому «процесс институциональных изменений обычно носит инкрементальный характер (имеются в виду институциональные изменения, для которых типичны перетекания содержания старых институтов в новые. — *Авт.*), а не дискретный. Объяснение того, как и почему происходят инкрементальные изменения и почему даже дискретные изменения (такие, как революции и завоевания) никогда не являются абсолютно дискретными, состоит в укорененности неформальных ограничений в обществе» [*Норт* 1997, с. 21].

Поэтому не точнее ли будет сказать, что во многом старые социальные институты сегодня приобрели новые формы или возникли несомненно новые по форме, но в значительной степени старые по своей социально-исторической природе (содержанию) институты?

III. Есть еще один ракурс институциональной проблемы в соотношении формы и содержания институтов: проблема соответствия (несоответствия) внедряемых организационно-правовых форм практике повседневных отношений, рутинных норм взаимодействий, имеющих в обществе. Что можно ожидать, если предлагаемая (заимствованная) организационно-правовая форма принципиально не соответствует содержанию рутинных практик институционализованных взаимодействий? Здесь возможны различные варианты:

1. Симбиотически-уродливый вариант функционирования института. Ярким примером последнего является то, во что нередко выливается конкуренция в нашей стране, которая массово заменяется блатом, «наездами», разборками и т. д. За этими примерами стоит перспектива (да и реальность сегодняшнего дня) не только экономического (он-то может быть преодолен), но и социально-нравственного регресса. Не может ли последний, проявляясь в утверждении допустимости аморального, затем благодаря механизмам институализации закрепить систему во многом деструктивных, а потому и недостаточно эффективных институтов?

2. Отторжение новых форм может проявляться как в протесте (явном или неявном), так и в неспособности большинства адаптироваться к новым формам. Меньшинство адаптируются и живут благополучно, а осуждаемое большинство вынуждены влачить жалкое существование, что в конце концов чревато социальными катаклизмами.

Проблема институционального анализа современной России требует серьезных социологических исследований, понимаемых как неразрывное единство теоретического и эмпирического. Именно под таким углом зрения нами проведен ряд эмпирических исследований. При этом в центре внимания находился анализ наиболее глубоких, элементарных, ежедневно воспроизводимых в социальной практике устойчиво-институализированных элементов социальной жизни, из которых соткана социальная реальность. Мы приводим ряд эмпирических фактов, которые отчасти помогут ответить на кардинальные вопросы, поставленные выше.

Проблема и метод исследований

Одной из наиболее проблемных сфер жизни современной России является село, испытывающее глубокий кризис. Его комплексный характер выражается не только в падении производительности коллективных хозяйств старого типа и, как следствие, в низком уровне жизни сельского населения, но вообще в разрушении прежних социальных отношений, дезинтеграции социальной общности, широкой распространенности девиантных форм поведения и пр. Все это говорит о том, что названные проблемы не только сугубо экономические, но прежде всего социокультурные. Как мы уже отмечали, для реформирования села необходимо ясно и четко понимать, какую социальную среду предстоит реформировать, хорошо представлять устойчивые первоосновы жизни селян, нормы, стандарты их повседневной жизни.

Социологи пытаются дать ответ на этот вопрос, исследуя специфическую ситуацию, которая сложилась в современном селе, чтобы объяснить последствия проведенных преобразований [Калугина 2000; Виноградский 1996; Виноградский и др. 2002; Никулин 2002].

В данном контексте в 2000 г. нами были проведены эмпирические исследования сельских жителей Белгородской области — «Белогорье-1» и «Белогорье-2» (автор и руководитель исследований А. Г. Эфендиев). Полученные результаты не только дают возможность научно-эмпирически воспроизвести социокультурное пространство, которое мы исследовали, но и более глубоко осмыслить специфику и закономерности функционирования той социокультурной среды, которую представляют собой современное село и, шире, современное российское общество. Исследование охватило широкий спектр проблем жизни современного села.

Несколько слов о методике проведения исследований «Белогорье-1» и «Белогорье-2».

В ходе подготовки программы и инструментария авторы провели большую серию углубленных нестандартизированных интервью. В ходе данного этапа, который сыграл важную роль в теоретической и эмпирико-инструментальной подготовке количественных социологических исследований (главная цель наших усилий), мы интервьюировали и руководителей хозяйств; и одиноких пенсионеров, содержащих великовозрастных сыновей-пьяниц; и молодого тракториста — ударника труда в коллективном хозяйстве, в то же время содержащего трех дойных коров, около десятка свиней, большое количество птицы, жилье

Современное российское село...

которого по комфорту (централизованное отопление, туалет, ванная, душ), оснащенности радиоэлектроникой, мебели не уступает жилью зажиточного горожанина; и молодого шофера (28 лет), который не планирует образование семьи из-за неспособности содержать ее материально, смотрит на жизнь с полной безысходностью и на вопрос, что он думает предпринять, отвечает: «А что тут поделаешь? Смирился...»; и бухгалтеров, которых приходится по десять человек на одно разоренное хозяйство, получающих в месяц 200—300 руб. (да и то с ежемесячными задержками), но всех как на подбор от 30 до 45 лет, хорошо, аккуратно одетых, дисциплинированных — в 9 часов утра уже на своем рабочем месте. На вопрос: «Зачем же вам колхоз, может быть лучше больше времени отдавать своему личному хозяйству?» и подобные ему отвечают: «Ну как же без колхоза... Родной колхоз... На миру как-то жить интереснее, чувствуешь себя человеком, нужным другим».

Тщательно подготовленные и проведенные интервью стали важнейшим инструментом постижения глубинных, трудно уловимых при поверхностном количественном осмотре пластов, проблем и противоречий исследуемой нами социальной реальности.

Для проведения количественного социологического исследования, которое должно было ответить на главные вопросы (какова распространенность тех или иных типов мотивации каждодневной хозяйственной деятельности, того или иного уровня жизни, норм повседневного поведения, какова их связь с различными социально-демографическими или социокультурными факторами) нами были подготовлены два типа инструментария: стандартизированное интервью домохозяйств в исследовании «Белогорье-1» (всего было опрошено 500 домохозяйств пяти сел Белгородской области), где основной целью являлось определение социально-экономических аспектов жизни всего сельского населения, и анкет в исследовании «Белогорье-2», основной акцент в котором был сделан на изучении социокультурных аспектов повседневной жизни — нравственных оценок, предпочтений трудоспособного сельского населения (опрошено 857 трудоспособных жителей девяти сел) и старшеклассников.

Немного слов о выборке, ее обосновании.

Полученные нами из официальных органов статистические данные были крайне скудны и слабо дифференцированы. Между тем социально-стратификационная картина сегодняшнего села даже сложнее, чем такая же картина города. Село делится не только на пенсионеров и трудоспособное население. Последняя когорта, в свою очередь, состоит из работающих и неработающих в коллективном хозяйстве, причем во вторую подгруппу включены как фермеры-единоличники, так и учителя, врачи и т. д. Среди учителей, врачей могут быть как акционеры, обладающие паем, так и неакционеры коллективных хозяйств. Уловить все это многообразие, если идти традиционным путем установления выборочной совокупности, было бы невозможно. Поэтому мы поступили иначе. В исследовании «Белогорье-1» эксперты помогли нам определить пять сел в различных районах Белгородской области, отличающихся уровнем развития сельскохозяйственного производства (а значит, и уровнем жизни селян). В этих селах методом сплошной выборки мы опросили все 500 домохозяйств. Тем самым была получена достаточно полная картина социально-профессиональной и демографической дифференциации сельского населения. Получен-

ная в ходе сплошного опроса информация контролировалась по показателям численности (%) пенсионеров, школьников официальной статистики. Кстати, необходимости в существенном «ремонте» выборки не возникло.

Выборка исследования «Белогорье-2» строилась как на основе показателей официальной статистики, так и социально-экономических и социально-демографических показателей, полученных в исследовании «Белогорье-1».

Домохозяйства современных селян

В исследовании «Белогорье-1» основная задача состояла в изучении уровня жизни жителей сел, экономической эффективности домохозяйств, их роли в материальном обеспечении семей. Исследование проводилось в Черноземье, где сохранились довольно крупные села, проживает немало молодежи, редко можно встретить вымирающие деревни. Отметим еще и одно важное обстоятельство: обращает на себя внимание активность областной администрации. Все села газифицированы, созданы возможности для проведения водопровода в дом, развита сеть дорог. К этому следует добавить тот факт, что в последние годы в Белгородской области почти отсутствуют задержки по выплате пенсий, пособий, зарплат бюджетникам и т. д. Иными словами, благодаря прежде всего усилиям государства (в лице областной администрации) в обследованных нами селах созданы определенные предпосылки для более высокого уровня жизни, комфорта, обустроенности жизни селян (не надо заботиться о дровах, проведении к дому водопровода, можно сдавать молоко и т. д.). Но этими возможностями селяне пользуются в разной степени.

При изучении уровня жизни мы применяли одновременно качественные и количественные методы. Количественные показатели материального благополучия использовались для фиксации наличного материального имущества и комфортабельности среды обитания сельских домохозяйств: санитарно-бытовой устроенности жилья, наличия мебели, электроприборов длительного пользования, автомобиля, коров и т. д. Эти данные однозначно фиксируются и интерпретируются, являясь бесспорным свидетельством того или иного уровня жизни сельских жителей (табл. 1).

Большая часть жителей исследуемых сел обеспечены газом (91,4 %), имеют холодильник и телевизор (до 80 %). Это минимум того, что необходимо иметь в доме сельскому жителю для элементарного выживания. При этом 15—20 % домохозяйств не дотягивают по отдельным показателям и до этого уровня — не имеют в доме холодильника или телевизора.

Чуть более половины домохозяйств (53—55 %) обеспечены централизованным отоплением. Что касается таких удобств, как мебельный гарнитур, водопровод, автомобиль, ванная, душ в доме и, особенно, туалет, то их могут позволить себе менее 40 % семей, у которых сложился более высокий по меркам нынешнего села уровень жизни.

Можно дополнить сведения об имуществе домохозяйств данными о наличии дойных коров. У 46,7 % опрошенных семей нет ни одной коровы, 46,7 % имеют одну корову, две коровы есть только у 5,5 % селян, более трех — у 1 %. Причем среди пенсионеров и непенсионеров картина ощутимо различается. Так,

Таблица 1. Обеспеченность домохозяйств санитарно-бытовыми и другими условиями (в % ко всем опрошенным). Вопрос: *Что вы имеете в доме, в чем нуждаетесь, планируете приобрести в ближайшие год-два? По каждой строке — один ответ.*

	ИМЕЮ				НЕ ИМЕЮ									
					Планируем обзавестись, так как есть средства		Испытываю в этом острую необходимость, но средств нет и не предвидятся			Не вижу в этом острой необходимости				
	Все дом-ва	Дом-ва пенсионеров	Дом-ва трудоспособ.	Дом-ва молодых семей (до 35 лет)	Все дом-ва	Дом-ва трудоспособ.	Дом-ва пенсионеров	Дом-ва трудоспособ.	Дом-ва молодых семей (до 35 лет)	Все дом-ва	Дом-ва пенсионеров	Дом-ва трудоспособ.	Дом-ва молодых семей (до 35 лет)	
Водопровод в доме	26,1	11,1	36,7	39,7	4,2	32,2	32,5	31,2	33,0	37,4	54,4	24,9	19,0	
Газ	91,4	-	-	-	1,2	5,2	-	-	-	1,6	-	-	-	
Центр, отопление	53,0	37,9	63,7	72,4	1,6	12,4	14,8	0,7	6,9	32,9	46,8	22,8	18,1	
Туалет в доме	13,6	3,2	20,8	24,1	1,8	20,6	19,4	21,5	24,0	63,6	76,7	53,3	50,8	
Ванная, душ в доме	24,3	12,7	32,0	33,0	3,0	23,3	20,5	25,3	32,1	49,3	65,9	36,7	28,7	
Трактор с инвент	3,4	-	5,2	6,1	1,2	19,8	8,2	27,1	30,7	75,1	91,1	62,6	60,5	
Легковой автомобиль	27,6	15,2	40,4	38,8	0,4	15,2	-	29,8	25,9	56,6	-	37,2	34,5	
Холодильник	78,7	72,0	87,0	89,0	0,6	12,2	14,4	12,2	10,7	8,4	11,0	3,5	2,1	
Мебельный гарнитур	38,6	19,1	59,6	65,5	2,0	12,8	8,0	18,0	20,0	46,5	68,0	23,6	10,3	

среди пенсионеров 56,3 % вообще не имеют коров и лишь 2,4 % — две коровы. Среди непенсионеров одну корову имеют 49,1 %, две — 10,4 %.

Полученные в исследовании «Белогорье-1» количественные показатели уровня жизни подтверждены и нашим повторным исследованием («Белогорье-2»), проводившимся в других селах Белгородской области. Так, если брать трудоспособное население (в исследовании «Белогорье-2» пенсионеры не опрашивались), то централизованное отопление (батареи) было у 63,7 % респондентов (в «Белогорье-1» — у 63,2 %), легковой автомобиль — у 36,2 % (в «Белогорье-1» — у 40,4 %), не держат коров 35,9 %, а в первом исследовании таких 39,3 % и т. д.

Приведем данные об источниках материального благосостояния крестьянского домохозяйства. Обратим внимание на роль крестьянского подворья как товаропроизводителя. Понятно, что существенная доля производимого на приусадебном участке потребляется самой семьей. Но эмпирически потребляемая в семье продукция приусадебного участка внутри семьи не измерялась, так как трудно достичь в этом случае достоверности полученных данных. Поэтому основная драма, интрига разворачивается вокруг того, что из произведенного на подворье семье удастся реализовать как товар, а это позволяет ей решать другие (кроме питания) проблемы благосостояния, связанные с приобретением промышленных товаров. Именно последние являются легко фиксируемыми и однозначно трактуемыми показателями уровня и динамики благосостояния той или иной семьи.

Итак, сдают на продажу молоко 40,4 % опрошенных домохозяйств (среди трудоспособных 47,8 %), при этом 27,4 % на сумму до 500 руб. в месяц, еще 10,8 % — от 500 до 1000 руб. Почти каждое третье домохозяйство сдает на продажу мясо (среди трудоспособных семей 40 %). При этом в среднем в год от этого от 1500 до 3000 руб. получают до 19 %, от 3000 до 6000 руб. — около 10 %. В результате среднемесячный денежный доход от реализации молока, мяса, картофеля, свеклы и других продуктов у каждого третьего домохозяйства составляет до 500 руб., еще 23,5 % от 500 до 2000 руб. (среди трудоспособных — 32,6 %); 40,6 % вообще не имеют доходов от реализации продукции подворья (среди трудоспособных 29,6 %). В среднем, если учитывать среднезвешенную статистическую, сельский дом (включая как семьи пенсионеров, так и тех, кто не реализует «на сторону» продукции подворья) имеет доход от приусадебного участка на сумму 520 руб. в месяц (в ценах начала 2000 г.).

Анализ эффективности приусадебного хозяйства как источника благосостояния позволяет ответить и на такие фундаментальные вопросы, как: способно ли именно личное подсобное хозяйство обеспечить полноценное развитие современного сельского населения; можно ли, как поступают иные теоретики, политики, делать акцент на развитии крестьянского подворья; каковы его подлинные (а не мнимые) возможности в обеспечении полноценного уровня развития сельского населения.

Вторая крупная статья доходов домохозяйств — деятельность в общественном секторе во всех его формах: работа в колхозе, в учреждениях вне колхоза, в том числе и в бюджетных организациях образования, здравоохранения, а также полученные от государства пенсии, пособия и т. д. Речь идет о показателях не одного заработка, одной пенсии, а о суммарном показателе денежного дохода в одном домохозяйстве. Если в домохозяйстве два пенсионера — это

Современное российское село...

сумма двух пенсий соответственно. Оказалось, что в 72 % опрошенных домохозяйств получают ту или иную пенсию (по старости, инвалидности, участники или инвалиды войны). В 27 % домохозяйств один или несколько членов семьи получают зарплату в учреждениях вне колхоза, в 43 % домохозяйств имеется доход за работу в коллективном хозяйстве. Путем сложных исчислений удалось выявить, что если представить 500 опрошенных домохозяйств как одно большое домохозяйство, где в общий доход вносят лепту и старики (пенсии), и те, кто работает в коллективном хозяйстве, и те, кто трудится в учреждениях вне колхоза (учителя, врачи), есть дети, на которых получают детские пособия, то среднемесячный денежный доход в таком «суперхозяйстве» за три месяца до исследования «Белогорье-1» равнялся бы 1265 руб. Складывался бы этот доход из 520 руб. (41 %) от реализации продукции, произведенной на приусадебном участке, 421 руб. (33 %) пенсий, 138 руб. (11 %) зарплаты колхозников, 138 руб. (11 %) зарплаты работающих вне колхоза, 48 руб. (3,8 %) пособия на детей. Напомним, что, изучая источники доходов, мы исключили важнейший из них, базовый — производимое на приусадебном участке и служащее для удовлетворения собственных потребностей семьи в питании. Следовательно, можно предположить, что из 1265 руб. совокупного дохода лишь самая минимальная часть пойдет на приобретение продуктов питания.

Продолжая исследовать уровень жизни домохозяйств сельских жителей, мы воспользовались также качественным методом дифференциации сельского населения по уровню благосостояния, основанием которого явилась самооценка жителей села на основе четырехчастной шкалы. В целом, разрабатывая критерии качественной оценки уровня жизни домохозяйств, мы постарались учесть специфические особенности сельской жизни, в частности характерный для нее более низкий, по сравнению с городом, уровень жизни, ощутимые различия в потребительских стандартах, притязаниях.

Прослушав все варианты, уточнив у интервьюеров некоторые детали, получив объяснения, респонденты имели возможность самостоятельно отнести свою семью к той или иной категории. Вопрос включал, во-первых, эмоциональную оценку респондентом своего материального положения («живем очень бедно», «кое-как сводим концы с концами», «живем неплохо», «живем хорошо»), во-вторых, показатель уровня жизни в целях нейтрализации субъективности подобных оценок дополнялся своеобразным портретом, в котором давалось описание того, как живет семья. Благодаря использованию метода портрета, в который включалось описание питания, одежды и возможность приобретения предметов длительного пользования для домашнего обихода и пр., исследователи получили возможность более комплексно оценить уровень жизни сельских семей.

Нами было представлено четыре «портрета». Они отражали соответственно следующие уровни жизни жителей села (табл. 2):

неудовлетворительный, который включает в себя

критически-низкий, не позволяющий полностью удовлетворить даже ряд важных физиологических потребностей (п. 1);

низкий, обеспечивающий физиологическое выживание и удовлетворение основных потребностей, при этом в семье нет средств на улучшение питания, покупку новой одежды и т. д. (п. 2);

Таблица 2. Общая оценка респондентами материального положения своей семьи (в % ко всем отвечавшим)

№ п/п	Вариант ответа	Все домохозяйства	Домохозяйства пенсионеров	Домохозяйства трудоспособных	Домохозяйства молодых семей (до 35 лет)
1	Живем очень бедно, не всегда даже едим досыта	11,2	16,3	7,7	7,8
2	Слава богу, кое-как концы с концами сводим: скромно питаемся, одеты в прочное, но может быть и в старое. Новую одежду, что-нибудь в дом не приобретаем — нет средств	59,2	72,5	49,8	40,8
3	Живем неплохо: ходим сытые, более или менее прилично одетые, самым необходимым по дому обеспечены, но позволить себе новую крупную покупку можем с определенным трудом, приходится в чем-то ограничивать себя, брать деньги в долг	27,8	10,0	40,5	52,4
4	Живем хорошо: нет проблем с питанием, покупаем одежду, в дом что нравится, модно одеваемся, приобретаем современные дорогие предметы длительного пользования, мебельный гарнитур, электронику.	0,8		1,6	

удовлетворительный, обеспечивающий приемлемый уровень текущего потребления (п. 3). По мнению авторов, этот уровень с учетом кризисного общего положения дел на селе можно условно считать «средним», хотя он и не отвечает главному требованию, предъявляемому к среднему классу в цивилизованных странах, — наличию средств для свободного (без заимствования и серьезных ограничений) приобретения новой бытовой техники, для накоплений и пр.;

хороший, позволяющий на должном уровне удовлетворять текущие материальные потребности, а также свободно приобретать новую высококачественную одежду, бытовую технику (п. 4).

Надо отметить, что достоверность полученных качественным методом данных подтверждается полученными количественными показателями материального благосостояния (наличие в доме холодильника, телевизора, газа, цент-

Современное российское село...

рального отопления, средств механизации и др.), это касается и первого и второго исследования. Семьи, ответившие «живем неплохо», имеют ощутимо больший объем материальных благ и бытовой техники, чем их односельчане. Так, центральное отопление имеют 79,7 % «зажиточных» семей, водопровод — 89,7 %, автомобиль — 52 %, душ и туалет в доме — 49 %. Среди тех, кто живет «кое-как», значения аналогичных показателей соответственно 19,3; 18,9; 44,3; 22,4 %.

Итак, каждая девятая семья (11,2 %) имеет критически низкий уровень потребления материальных благ, т. е. практически живет на уровне нищеты. К ним следует прибавить тех респондентов (59,2 %), которые считают уровень благосостояния своих семей низким («кое-как сводим концы с концами»). Если сложить результаты по респондентам, выбравшим 1-й и 2-й варианты ответов («живем очень бедно», «кое-как сводим концы с концами»), то окажется, что более 70 % сельского населения имеют неудовлетворительный уровень жизни. Только 27,8 % опрошенных семей ответили «живем неплохо».

Честно говоря, мы и не рассчитывали, что большинство или ощутимая часть сельских жителей ответят: «Живем хорошо». Предварительные углубленные интервью, посещение сельских домохозяйств резко снизили порог нашего ожидания по поводу уровня жизни сельчан. Но при всей нашей готовности к низким показателям, полученные данные поразили нас очень низким уровнем жизни значительной части сельских семей.

Продолжим изучение данных табл. 2, которые позволяют более дифференцированно проанализировать положение дел. Особенно удручающе выглядит картина по пенсионерам. Среди них каждый шестой нищенствует (16,3 %), три четверти (72,5 %) «еле-еле сводят концы с концами». Суммарно в этой среде 90 % опрошенных находятся на неудовлетворительном уровне и лишь 10 % могли сказать «живем неплохо».

В лучшую сторону от них отличается жизнь трудоспособного населения сел. Среди них живущих, по их признанию, «очень бедно» всего лишь около 8 %, т. е. каждый 13-й. Основная же масса отнесла уровень жизни своей семьи ко второму «портрету»: «кое-как концы с концами сводим» — так ответила каждая вторая семья непенсионеров (49,8 %). Но и в этой среде большинство (57,6 %) живут на низком, недостаточном для современного человека уровне. Они, в лучшем случае, «скромно питаются, одеты в прочное, может быть и в старое, на новую одежду, приобретение чего-нибудь нет средств». Иначе говоря, большая часть трудоспособных домохозяйств исследованных сел находится на грани выживания и нищеты.

Среди исследованных трудоспособных семей 40,5 % вытягивают на удовлетворительный уровень жизни, могут сказать, что «живут неплохо». Таким образом, показатели по трудоспособной части семей опрошенных сел, хотя и демонстрируют достаточно невысокий уровень жизни, но они существенно отличаются в лучшую сторону от показателей жизни семей пенсионеров.

В целом и в структуре уровня жизни трудоспособной части опрошенных сел налицо серьезные, можно сказать опасные, тенденции. Более половины семей тружеников находятся на грани выживания, носят хотя и прочную, но старую одежду; любая новая более или менее крупная покупка вызывает у них затруднение, приходится брать деньги в долг.

Благополучнее других живут молодые семьи, о чем свидетельствуют данные таблицы, в которых зафиксированы (само-) оценки уровня благосостояния таких семей (средний возраст супругов не превышает 35 лет). В этой среде 52,4 % опрошенных смогли сказать «живем неплохо». Иными словами, это единственная группа жителей опрошенных сел, в которой больше половины живут на удовлетворительном уровне.

Обобщая данные, полученные с помощью качественного и количественного методов, мы можем говорить о трех основных слоях сельского населения.

Около 10—15 % сельских семей живут очень бедно, фактически находятся на уровне нищеты: не всегда едят досыта, средств не хватает на самое необходимое. Опираясь на полученные количественные данные, добавим: некоторые не имеют снабжения газом, у них нет холодильника и даже телевизора (старый сломался, а на его ремонт, починку или покупку нового нет средств). По сути дела налицо получеловеческое существование людей, которые лишены даже элементарных условий, необходимых для нормальной человеческой жизни. Дополним эти эмпирические сведения картиной, которую мы наблюдали в ходе проведения интервью: редко можно встретить на подворье корову, где-то копошатся одна—две курицы, дом покосился, полуразвалился, антисанитария, большая часть огорода заросла бурьяном, обработана его минимальная часть, за счет которой семья и живет.

60—70 % сельских жителей живут хотя и бедно, но им все-таки удастся сводить концы с концами, скромно питаться, одеваться в прочную, но, может быть, старую одежду. На новые приобретения у них нет средств. Они в достаточной степени обеспечены только самым необходимым в физическом и социокультурном планах — газом, холодильником, телевизором. Этот минимум в семьях трудоспособных дополняется централизованным отоплением (батареями), одной коровой. Причем доля семей, вынужденных выживать, среди трудоспособной части сельского населения составляет около 50 %.

Примерно 20—30 % семей могут сказать, что «живут неплохо, ходят сытые, более или менее прилично одетые, самым необходимым по дому обеспечены», но позволить себе крупную покупку могут лишь с определенными усилиями, приходится брать деньги в долг. Среди непensionеров доля «живут неплохо» около 40 %, среди пенсионеров их можно встретить крайне редко — всего лишь каждое 10-е домохозяйство. Как правило, во всех подобных семьях есть одна корова, а среди «живущих неплохо» непensionеров чуть ли не каждый 2—3-й имеет две коровы.

В опрошенных селах с трудом можно найти людей, кто жил бы в материальном отношении хорошо, мог бы сказать, что не имеет проблем с питанием, покупает одежду, домашнюю утварь ту, что нравится, носит то, что модно, свободно приобретает дорогие предметы длительного пользования. Таких буквально единицы.

Почему же так бедно живут люди на богатых землях Черноземья? Какие глубинные, с первого взгляда неприметные, причины ведут к таким кризисным последствиям? Как социологи мы стремились эмпирически выявить устойчивые институциональные основания организации повседневной жизни российского села, которые приводят к подобным экономическим результатам.

Материальное положение сельских пенсионеров и кризис семьи как социального института

Результаты качественного и количественного анализов уровня жизни селян свидетельствуют о том, что сегодня по существу имеется два села, различных по уровню жизни. Первое село — это село трудоспособной части сельского населения. Второе — село пенсионеров, составляющее с людьми предпенсионного возраста примерно половину численности всех селян. Последняя часть села буквально обречена на выживание.

Уровень жизни около 90 % пенсионеров неудовлетворительный, в лучшем случае они кое-как сводят концы с концами. Вообще-то все свыклись с мыслью, что пенсионеры в нашем обществе — самые бедные, незащищенные слои. Но это справедливо для города (да и то для неработающих пенсионеров). Что касается села, то здесь связь бедности и пенсионного возраста не столь однозначна.

Конечно, возраст, болезни существенно ограничивают физическую активность сельских пенсионеров, а вместе с тем возможность повысить свое благосостояние путем активного труда на приусадебном участке. Но есть и позитивные факторы, которые могли бы отчасти компенсировать немощь пенсионеров, их неспособность к активному труду.

Во-первых, пенсии в Белгородской области выплачивались на момент исследования в целом регулярно, и они являлись самым стабильным источником денежных доходов в исследуемых селах. Ни доходы от работы в бюджетных организациях, ни доходы от деятельности в коллективном хозяйстве не могут сравниться по своей гарантированности с пенсиями. Среднемесячный доход от пенсий в тех домохозяйствах, где ее получают, равнялся на момент проведения исследования 701,5 руб. (сравните: среднемесячная зарплата работающих в колхозе — 350 руб., а работающих в бюджетных учреждениях — 500 руб.). Другими словами, пенсия дает доход в два раза выше, чем работа в колхозе, в 1,4 раза выше, чем работа вне колхоза.

Есть и другой фактор, в какой-то степени облегчающий жизнь пенсионеров, — сокращение объема личных потребностей, которое влечет за собой уменьшение расходов на питание, новую одежду и т. д. Сюда еще надо добавить отсутствие расходов на содержание и воспитание несовершеннолетних детей. Эти обстоятельства при наличии подворья, огорода, птицы в целом могли бы обеспечить сносное существование пенсионеров.

Проведенный анализ дает основание считать, что не только и не столько пенсионный возраст и связанные с ним болезни, старческая немощь являются главной причиной снижения уровня жизни семей сельских пенсионеров, а во многом их взаимоотношения с взрослыми детьми. Если они в какой-то мере благополучны, то не возникает особых проблем, если же пенсионеры брошены детьми, более того, продолжают материально помогать детям (что является в определенной степени проявлением иждивенческого отношения детей к родителям) — их уровень жизни существенно снижается.

Естественно, что престарелые люди на селе должны проживать совместно со своими детьми. Всего среди опрошенных домохозяйств 21,0 % — владельцев

домохозяйств живут вместе со своими родителями-стариками. Из числа же 56 семей, находящихся на уровне нищеты, таких оказалось только 5, что составило из всех расширенных семей (всего 105), лишь 4,7 %, т. е. показатель находится в пределах математической ошибки. Иными словами, если дети живут вместе со своими родителями-пенсионерами (где происходит сложение усилий, доходов; такие семьи характеризуются и иной нравственной атмосферой), то вероятность нищенства, в том числе стариков, носит случайный характер.

Из 208 опрошенных в данном исследовании домохозяйств пенсионеров 44 семьи оказались в плачевном состоянии. Но выявилось следующее: из этих семей пенсионеров, живущих «очень бедно», 10 семей (почти каждая 4-я) еще содержат великовозрастного ребенка, по сути тунеядца, который «регулярно вне дома нигде не работает». Еще 15 семей (35,0 % (!) от 44 семей) оказывают «существенную материальную помощь» живущим отдельно от них (в городе, селе) детям, а оставшиеся 29 семей «ни сами не оказывают существенной материальной помощи, ни им дети не оказывают существенной материальной помощи».

Итак, из 44 семей нищенствующих пенсионеров 26 семей (60,0 %) или содержат детей-тунеядцев или существенно помогают детям, живущим отдельно. Остальные 40,0 % семей пенсионеров не получают никакой помощи от детей, живущих отдельно.

К сожалению, кризис во взаимоотношениях родителей и детей характеризует не только самые бедные семьи пенсионеров. Из всех 208 домохозяйств пенсионеров, опрошенных в исследовании «Белогорье-1», получают помощь от детей, живущих отдельно, лишь 68 семей пенсионеров, т. е. 32,0 % от всех домохозяйств пенсионеров. Лишь 19,0 % всех живущих отдельно детей оказывают родителям-пенсионерам существенную помощь (некоторые пенсионеры имеют двоих—троих взрослых детей). В целом же 93 семьи пенсионеров оказывают существенную помощь детям, живущим отдельно от них (45,0 % семей пенсионеров). К этому следует добавить такой факт: в 7,0 % семей пенсионеров взрослые дети не работают, по существу живут на содержании престарелых родителей. В результате более половины (!) исследованных семей пенсионеров несут невероятные тяготы в виде помощи своим великовозрастным детям. При этом для почти 30 семей пенсионеров подобная помощь детям, видимо, оказалась просто губительной — она довела их буквально до нищеты. Для остальных же почти 60 семей подобная практика, стандарты взаимоотношений между родителями и детьми, на наш взгляд, стала одной из главных причин, вынуждающих их «сводить концы с концами». Иначе говоря, те 2/3 пенсионеров, которые сегодня «живут очень бедно», освободившись от ярма материальной помощи своим великовозрастным детям, содержания детей-тунеядцев, могли бы выйти из самой унижительной — нищенской — ниши. И, как минимум, 1/3 из тех 72,5 % домохозяйств пенсионеров, которые, по их собственной оценке, «сводят концы с концами», могли бы жить лучше, присоединившись к тем односельчанам, которые оценили свой уровень жизни как удовлетворительный — «живем неплохо». Напомним, сегодня так смогли ответить только 10 % семей пенсионеров (при иных стандартах взаимоотношений с детьми их могло бы быть 40 %, т. е. достичь показателя «живем неплохо», трудоспособной части села).

Приведенные данные дают основание считать, что иждивенческо-потребительские тенденции во взаимоотношениях детей со своими родителями яв-

Современное российское село...

ляются одной из причин глубокой бедности основной массы семей пенсионеров исследованных сел. Бедственное положение сельских пенсионеров во многом является отражением кризиса семейных ценностей, несовершенства, дисфункции норм, стандартов взаимоотношений между родителями и детьми, распространенности иждивенческих тенденций. Есть основания сомневаться в том, что это участь только нынешнего поколения сельских пенсионеров.

По крайней мере, исследование дает основание считать, что подобные нормы, стандарты поведения приобрели на селе (а может быть, и в обществе) достаточно устойчивый, распространенный, возобновляемый, т. е. институционализированный, характер, что делает подобные взаимоотношения воспроизводимыми и в новых поколениях.

Мотивация на активную деятельность

Социологический анализ материально-экономических аспектов жизни отнюдь не сводится к анализу показателей уровня жизни и т. д. В ходе его необходимо дойти до выявления тех первокирпичиков в виде устойчивых, повторяющихся типов мотивации, стандартов поведения, норм взаимоотношений социальных агентов, из которых соткана социальная реальность, воплощающаяся в данном случае в материально-экономических сторонах жизни общества.

На этапе проведения углубленных интервью мы выявили существенные отличия не только в уровне жизни сельских жителей, обустроенности, комфортабельности их жилья и пр., но и в достаточно ощутимо проявляющейся внешне энергичности, активности, желании чего-то достичь у одних и безволии, смиренности, пассивности — у других. При поверхностном анализе эти данные могли быть истолкованы как индивидуально-психологические. Но частота, с которой мы на данном этапе сталкивались с признанием в том, что «смирился со своим уровнем жизни», с надеждами на то, что «как-нибудь все само образуется» и т. д., давало основания для иной трактовки подобных настроений. Перед нами достаточно распространенные и устойчивые социальные типы мотивации на активные действия (а чаще пассивной мечтательности и смирения) для улучшения своего благосостояния, которые лежат в основе трудовой активности. Проведенные количественные социологические исследования подтверждают это.

Следует учесть те изменения, которые произошли в нашем обществе за последние годы, и прежде всего введение элементов рыночной экономики, которая на селе в основном была ориентирована на стихийные механизмы саморегуляции. Крестьянин сегодня все-таки имеет выбор: являться работником коллективного хозяйства или завести собственное фермерское хозяйство, остаться единоличником, живя за счет приусадебного участка. К этому надо добавить, что в Белгородской области создан ряд условий, которые существенно способствуют повышению уровня жизни: речь идет не только о повсеместной газификации, но и о выдаче администрацией кредита на строительство нового дома, возмещаемого сельскохозяйственной продукцией (мясо и т. д.); широко практикуется скупка у населения молока, яиц и пр.

Новые организационно-правовые формы хозяйственной жизни во многом ориентированы на личную активность, личную инициативу, на готовность взять

на себя ответственность по-новому строить жизнь. Но насколько эти формы адекватны социально-типическим мотивациям деятельности, представлениям о жизненных стратегиях, их практически-институциональных основаниях? Если к такой самостоятельности готовы не большинство, а лишь единицы, то не порождает ли (или уже порождает) подобная рыночная стихия всевозрастающую социально-имущественную дифференциацию, чреватую серьезными социальными катаклизмами?

Ставка на стихийные механизмы саморегуляции выдвигает ряд важнейших проблем, в первую очередь проблему социальных типов мотивации на повышении благосостояния, трудовой активности.

Для исследования мотивированности сельских жителей на активные действия нами были выделены три основных типа мотивации:

1) *смирение с достигнутым уровнем жизни* — основная установка «и на большее не рассчитываем»;

2) *мечтательность, желание жить лучше, практически не подкрепленные активными действиями*, — основная установка «надеемся, мечтаем, что как-нибудь положение улучшится».

3) *«достиженческая», предполагающая активное, практически реализуемое стремление к улучшению своего уровня жизни, понимание личной ответственности за благополучие своей семьи* — основная установка «предпринимаем серьезные дополнительные усилия, чтобы жить лучше». Причем респонденты, заявившие о наличии мотивации на улучшение своей жизни, должны были привести конкретные примеры предпринятых ими усилий. Если такие примеры не указывались, интервьюер относил таких опрошенных к числу «мечтателей».

Как показывают результаты исследований «Белогорье-1» и «Белогорье-2», у опрошенных трудоспособных сельских жителей безусловно преобладает мотивация «надеемся, мечтаем, что как-нибудь положение улучшится», т. е. пассивное ожидание того, что что-то или кто-то все изменит к лучшему (57—63 %). Иначе говоря, чуть ли не 2/3 трудоспособного населения хотят жить лучше, но при этом не предпринимают никаких дополнительных усилий. Причем, что очень важно, данная мотивация преобладает среди представителей всех слоев сельского населения. Но наибольшее число «мечтателей» среди тех, кому не стоит предаваться таким пустым мечтаньям: чуть ли не 3/4 этих людей живут на критически низком (нищенском) или низком уровне.

Вторая по распространенности мотивация — смирение с достигнутым уровнем и «на большее не рассчитываем» — характерна для 16,1 % опрошенных трудоспособных жителей в исследовании «Белогорье-1». (Понятно, что мотивация смирения становится ведущей мотивацией у пенсионеров — 57,9 %, что связано со спецификой пожилого возраста, отсутствием многих потребностей и запросов, характерных для более молодых семей.)

Данная мотивация свидетельствует о том, что люди смирились со своей жизнью, они ничего не хотят в ней менять; при этом, в отличие от «мечтателей», они не претендуют на лучшее, ни на что не надеются. Эта мотивация (если в особенности речь идет о трудоспособном населении) являет собой еще большую степень кризиса, чем пассивная мечтательность, ибо отражает полное отсутствие желания, стремления к улучшению своей жизни. Наличие подобной мотивации характеризует каждое шестое домохозяйство в исследуемых

Современное российское село...

селах. Она может объясняться рядом обстоятельств: социокультурными стандартами потребления, традицией смиряться, довольствоваться малым. Это может быть вызвано снижением планки притязаний ввиду неуверенности в осуществлении намеченных планов или нежелания прилагать для этого дополнительные усилия, проще говоря ленью. Причем эти причины могут быть тесно взаимосвязанно традиция минимизации потребностей, смирение с низким уровнем жизни складывались под влиянием повторяющегося из поколения в поколение чувства отчаяния по поводу безуспешных усилий, несбывшихся надежд на лучшую долю.

Минимизация потребностей является достаточно распространенным явлением в современном российском селе. Как уже указывалось, 63,7 % домохозяйств трудоспособных жителей села обзавелись централизованным отоплением, а среди молодых семей — 72,4 %, но 18,1 % молодых семей отметили, что не имеют его и не видят в нем необходимости; душ в доме имеют 33 % молодых семей, но 28,7 % не имеют и не видят в этом острой необходимости (не имеют и испытывают в этом острую необходимость, но нет средств и не предвидится — 32,1 %). И даже легковой автомобиль (казалось бы, мечта каждого молодого человека в сельской местности) имеют 38,8 % молодых семей, еще 25,9 % испытывают в нем необходимость, но средств на его приобретение нет и не предвидится. Однозначно отвечали, что не имеют автомобиля и не видят в нем необходимости 34,5 % молодых семей. На наш взгляд, тот факт, что даже среди молодых семей значительное число респондентов не видят необходимости в централизованном отоплении, ванной комнате, душе в доме, легковом автомобиле, в определенной степени свидетельствует о минимизации потребностей.

Лишь каждый четвертый опрошенный трудоспособный респондент (27,5 % в исследовании «Белогорье-1» и 25,6 % в исследовании «Белогорье-2») проявил активистски-ответственное отношение к проблеме своего благополучия, отметив, что предпринимает для достижения более высокого уровня жизни серьезные усилия. Кстати, методом корреляционного анализа мы проверили валидность показателя «предпринимаем серьезные усилия», т. е. то, насколько высказанная респондентами решимость подтверждается реальными фактами, делами. Так, в исследовании «Белогорье-2» среднее значение показателя «предпринимаем дополнительные усилия» — 25,6 %, а среди тех, кто за последние 3 года приобрел грузовой автомобиль, трактор, — 72 %, пытался торговать в городе, — 62 %. При этом обнаруживается вполне закономерная тенденция: чем выше уровень жизни, тем выше доля лиц с активистски-ответственным отношением к своему благополучию. Так, среди трудоспособных, живущих на неудовлетворительном уровне (1-й и 2-й уровни), признались в том, что «предпринимают серьезные усилия», чтобы вырваться из нищеты, 20,5 %; среди тех, кто живет «живет неплохо», активная мотивация составляет уже 37 %.

Итак, подавляющее большинство современных селян хотят улучшить свою жизнь, но реально осуществляет практические действия, проявляет инициативу, чувствует личную ответственность за свое благополучие (а не взваливает ее на других) лишь каждый четвертый. И основная коллизия современного российского села — это противоборство (чаще всего латентное) двух типов мотивации: практически-деятельной, лично ответственной мотивации и мечтатель-

но-созерцательной, иждивенческой мотивации на улучшение своей жизни без приложения собственных дополнительных усилий, личной активности (надежда на то, что положение само как-нибудь улучшится или кто-то другой это сделает).

Логика анализа приводит нас к рассмотрению возможных идейных предпосылок как мечтательно-созерцательной, так и активно-ответственной мотивации трудовой деятельности. Приведем некоторые данные специального раздела исследования «Белогорье-2», по поводу ориентации сельских жителей, как жить среди себе подобных (условно назовем их социально-коллективистские ориентации). Предлагалось несколько пар полярных суждений. Респондент должен был выбрать на континууме от одного суждения к другому одну из позиций (в том числе 0 — «затрудняюсь ответить», расположенную посередине). Приведем некоторые результаты данного раздела, которые многое, на наш взгляд, объясняют. Так, в паре суждений «Я есть такой, каким меня сделали обстоятельства моей жизни» — «Я есть такой, каким я стал благодаря своему собственному выбору» безусловно согласны со вторым суждением среди живущих «очень бедно» и «кое-как» (1-й и 2-й уровни благосостояния) всего 19,6 %, а среди тех, кто прилагает конкретные усилия для улучшения своей жизни, — 36,5 %. Из суждений другой пары «Лучше жить материально скромно, но спокойно, без особых тревог, забот и волнений: все равно всех денег не заработаешь» — «Следует всеми силами стремиться к достижению лучшей жизни, хотя это требует немало усилий, волнений и не всегда все получается» второе суждение поддержали в среднем среди «живущих бедно» и «кое-как» всего 28,3 %, а среди тех, кто предпринимает усилия, 44,3 %.

Как показал анализ эмпирических сведений, полученных в данном разделе, в современном российском селе имеет место дефицит ответственности за собственное благополучие: самостоятельность, инициатива, активность развиты явно в недостаточной степени. Подобные установки, требующие личной ответственности, локализуются в очень небольшой прослойке сельского населения, которая, как правило, прилагает практические усилия, чтобы жить лучше. В целом же в селе явно доминируют установки, сочетающие в себе прямое или скрытое иждивенчество (надежда на то, что кто-то улучшит жизнь), фатализм, желание жить, как все, готовность довольствоваться малым и при этом избежать проявлений инициативы, активности, рисков. Мечтательно-созерцательное отношение к жизни, минимизация потребностей представляют собой первооснову исследуемой нами социальной реальности.

Очевидно, что при наличии подобной мотивационной сферы реализация стихийных механизмов рыночного саморегулирования не приведет к массовому повышению уровня жизни сельских жителей.

Особую тревогу вызывает то, что уклонение от активных усилий развито тем сильнее, чем хуже живет человек. С одной стороны, это ясно и недвусмысленно дает понять, почему он бедно живет. С другой стороны, это является основанием для пессимистического прогноза: жил, живет и будет жить бедно, пока не сломлена мотивация пустой мечтательности или смирения с достигнутым. Более того, при такой мотивационной структуре бедность, как правило, имеет тенденцию самовозобновления, а может быть, и углубления в случае последовательной реализации механизмов рыночной саморегуляции.

Современное российское село...

И наоборот, тот факт, что в более обеспеченных семьях гораздо чаще, чем в иных, можно встретить ответственно-активистские модели мотивации, с одной стороны, объясняет их уровень жизни, а с другой стороны, позволяет делать оптимистический прогноз в отношении роста их благосостояния. Судя по полученным данным, можно ожидать повышения благосостояния за счет личных усилий у 18—20 % опрошенных. При этом наибольшие подвижки следует ожидать в среде уже живущих на удовлетворительном уровне — от каждого третьего из их числа или от каждого десятого от всех сельских жителей. Видимо, из них будет формироваться новый для нынешнего села слой жителей, который сможет сказать «живем хорошо».

Экономическая целесообразность — понятие конкретно-историческое; оно обусловлено и социально-культурными условиями, возможностями, допущениями. Поэтому одни и те же решения в разных культурно-исторических условиях могут привести к различным результатам.

Российское крестьянство, как видим, еще не выработало индивидуальной активно-ответственной мотивации, в том числе трудовой деятельности. При нынешней мотивационной структуре прямое внедрение механизмов рыночного саморегулирования может привести (и уже приводит) к консервации и углублению нищеты большинства сельского населения при значительном повышении стандартов жизни незначительной части селян. Иными словами, речь идет о резкой поляризации, формировании на селе своеобразной пирамиды, когда очень незначительная часть селян живут хорошо, а основная масса «живут очень бедно» и «кое-как сводят концы с концами», что чревато социальными катаклизмами.

Как показывает наша история, подобная мечтательно-созерцательная мотивация очень устойчива. «Революционное» внедрение организационно-правовых форм, ориентирующихся на механизмы рыночной саморегуляции, селом отторгается (латентно или явно), ведет к поляризации сельского населения, что заканчивается революциями, раскулачиванием (коллективизация сельского хозяйства в советские годы). Поэтому, как нам кажется, следует искать такие организационно-правовые формы, которые были бы адекватны социальной реальности.

Нравы повседневной жизни: что считают допустимым жители современного села

Новые грани социальной реальности, сложившейся на селе, выявляются в ходе анализа стандартов повседневного поведения сквозь призму допустимого, приемлемого и осуждаемого, отвергаемого. Речь идет об анализе социально-нормативной (нравственной) первооснове институционального пространства, ее зрелости, устойчивости.

Подобная социально-нормативная первооснова формируется столетиями. В ней находят свое воплощение и тип религиозного сознания — насколько в нем была развита этическая, а не обрядово-мифологическая компонента, устойчивость законов, норм, что формирует отношение к установленным правилам, правовым и нравственным законам как к неизменным, непререкаемым,

«священным» и др. Особенности социально-нормативной (этической) первоосновы институционального пространства во многом предопределяются возможности организационно-правовых, экономических преобразований, характер их онтологических последствий.

Под таким углом зрения на проблему исследования нас интересовало, что сельское население признает допустимым, приемлемым. Речь идет, во-первых, об исследовании практической жизни в ее проблемных аспектах и, во-вторых, об изучении оценок подобных (нравственно-проблемных, но типичных, повторяющихся) явлений сельской жизни. Для решения второй задачи был подготовлен инструментарий, в котором были представлены отдельные сюжеты, фиксирующие знакомые для респондентов типичные нравственно-проблемные случаи повседневной сельской жизни. Респонденты должны были дать оценку этим сюжетам. Таких оценок было три. Первая (высшая степень неприятия) — это «абсолютно недопустимо». Вторая — нежелательно, но в общем-то допустимо (можно «смотреть сквозь пальцы»); третья — «не вижу в этом ничего предосудительного».

Между желательным, допустимым и недопустимым лежит одна из существенных проблем современной социальной жизни. В центре ее — допустимое, т. е. критерий того минимума, при котором сохраняется порядок как зона высокой обязательности, священных непререкаемых норм, зона дозволенного. В данном случае важна фиксация этой планки допустимого, «в общем-то можно с этим мириться». То, что признано допустимым, с чем в данном обществе люди готовы мириться, является не только критерием нравственного здоровья общества. Важно и другое — признание допустимости делает подобное явление, тип поведения достаточно распространенными, самовозобновляемыми, устойчивыми, способными к межпоколенной трансмиссии. Ведь, признавая подобные действия допустимыми, мы в определенной степени легитимизируем их, существенно снижаем возможность применения санкций и тем самым даем «зеленый свет» к повторению, самовозобновлению подобных явлений. При этом надо учесть, что легитимность может иметь различные уровни — от безусловной поддержки до терпимости, от активного одобрения до молчаливого вынужденного признания. Приступая к анализу данных табл. 3, напомним, что по всем законам социологических исследований респондент, отвечая на вопросы, имеющие нравственную нагрузку, стремится, как правило, выглядеть «получше» и соответственно склонен выбирать ответы «получше», а не наоборот. В свете этого многие «откровения» выглядят еще более нравственно настораживающе. Вместе с тем большие величины показателя «абсолютно недопустимо» по некоторым фрагментам еще не гарантия того, что эти респонденты будут так же требовательны к другим или же сами никогда не поступят таким же образом. Нижеприведенные результаты скорее всего говорят о нравах, о том, что считается приемлемым, допустимым, о потенциальном состоянии общественного мнения (что осуждается, а на что люди готовы смотреть сквозь пальцы).

Были выделены семь групп сюжетов сельской жизни: любовь и брак (№ 1, 2, 5, 6, 8), труд (№ 11, 13, 15, 16, 23), воровство (№ 14, 17, 20, 22, 24, 25), пьянство взрослых (№ 7, 9, 10, 12, 19), поведение молодых (№ 3, 4), взаимоотношения детей и родителей (№ 21, 36), соседство (№ 18).

Центральной проблемой в этих сюжетах является воровство. Как мы можем видеть, резкое осуждение у сельских жителей вызвали примеры воровства лич-

Современное российское село...

Таблица 3. «Сюжеты» повседневной сельской жизни: что порицается жителями села, а что считается нормальным

№ п/п	Сюжет	Абсолютно недопустимо	Нежелательно, но в сегодняшней жизни в общем-то допустимо (можно "смотреть сквозь пальцы")	Не вижу в этом ничего предосудительного
1	Парень с девушкой имеют добрачные отношения	19,2	42,9	37,7
2	Девушка, не дожидаясь своего суженого из армии, вышла замуж	17	43,6	39,4
3	Старшеклассники выпивают и пьяными расхаживают по селу	85,2	13,9	0,9
4	Молодые люди употребляют наркотики	94,3	4,8	0,7
5	Парень сожительствовал с девушкой, обещал жениться и не женился	42,4	46,7	10,9
6	Девушка любила одного, а вышла замуж за другого, более богатого	19	50,3	30,7
7	Односельчанин после работы (или в праздник, выходной) сильно выпил, буянил, валялся на дороге	54,3	38,1	7,6
8	Одинокая женщина ведет свободный образ жизни проводит время с разными мужчинами, выпивает	48	37,1	14,9
9	Односельчане выпивают на работе и потом навеселе работают	58,9	35,4	5,6
10	Отец много пьет, часто прогуливает работу Семья, дети живут бедновато	87,6	11,2	1,2
11	Работник не хочет выполнять полученное трудоемкое задание, всячески уклоняется от него	65,6	30,1	4,3
12	Работники выпивают по какому-то случаю во время работы так, что не могут потом работать	83	14,7	2,3
13	Тракторист на обед домой приехал на тракторе	16,3	46,9	36,8
14	Доярка с фермы тайком унесла молоко (комбикорма), чтобы хоть как-то прожить	20,9	54,3	24,8
15	Работник не выполнил задания, хотя считается, что работу сделал, наряд закрыли	61,3	32,2	6,5
16	Тракторист кое-как вспахал поле	77,6	18,6	3,7
17	Дети пошли на колхозное поле за подсолнечником	22,9	52,5	24,6
18	Односельчанин взялся оказать услугу соседу, которая требует определенных усилий (но не очень больших) лишь за плату	20,9	43,9	35,2
19	Мать часто пьет, бывает пьяной	95,4	3,6	0,9
20	Кто-то забрался в дом в отсутствие хозяев и выкрал последние деньги	95,2	3,9	0,9
21	Сын нигде не работает, пьет, живет за счет родителей-пенсионеров	89,2	9,8	0,9
22	Односельчанин тайком принес на свое подворье колхозное сено, корма	33,4	51,9	14,7
23	Руководитель хозяйства (учреждения) стремится назначить на наиболее важные посты верных себе людей, родственников	55,6	31,9	12,5
24	Один односельчанин украл у другого заготовленное тем сено	93,8	4,7	1,5
25	Дети полезли в чужой сад за яблоками	32,9	44,2	22,8
26	Сын (дочь) живет в том же селе, что и родители-пенсионеры, которые немощны, и по сути не оказывает им серьезной помощи	77,2	17,9	4,9

ного имущества: «кто-то забрался в дом в отсутствие хозяев и выкрал последние деньги» и «один односельчанин украл у другого заготовленное им сено» (95,4 % и 93,8 % соответственно).

Однако совершенно иная картина наблюдается по поводу воровства колхозного имущества. Так, по показателю «односельчанин тайком принес на свое

подворье колхозное сено, корма» отметили, что это абсолютно недопустимо, лишь 33,4 %, еще 51,9 % сочли это нежелательным, но в общем допустимым, а каждый седьмой опрошенный (14,5 %) вообще не находит в этом ничего предосудительного.

Еще показательнее данные по ситуации «доярка унесла с фермы молоко (комбикорма), чтобы хоть как-нибудь прожить». Абсолютно недопустимым сочли этот поступок всего 20,9 % сельчан, 54,3 % признали это нежелательным, но вообще-то допустимым, каждый же четвертый вообще не видит в этом ничего плохого.

То же самое касается сюжетов о воровстве молодежи. Так, по ситуации «дети полезли в чужой сад за яблоками» лишь 32,9 % опрошенных резко осудили такой поступок. Около половины (44,2 %) сочли это нежелательным, хотя допустимым. По мнению большинства — это всего лишь невинная детская шалость. Еще большее снисхождение обнаруживается по показателю «дети пошли на колхозное поле за кукурузой». Осудили подобный поступок лишь 22,9 % (ведь поле-то колхозное), 52,5 % готовы лишь слегка пожурить ребят, а каждый четвертый (24,2 %) вообще не усматривает в этом ничего предосудительного.

Итак, результаты исследования демонстрируют огромную терпимость к воровству колхозного добра. Вместе с тем наличие подобной терпимости есть эмпирическая фиксация не признаваемой вслух легитимности воровства «казенного» в общественном сознании, в котором не сложилось не только уважение к общественной собственности, но, что важно для дальнейшего анализа, не возникло неприятие *всякого воровства как неприемлемого*, как священного (по форме обоснования пусть даже религиозного) закона общежития.

Могут возразить, что у респондентов наблюдается повышенная терпимость лишь к воровству из коллективного хозяйства. Не есть ли подобное воровство своего рода протест против «отчуждения труда», той эксплуатации, которой подвержены крестьяне в колхозах? Не является ли такое воровство вынужденной мерой, компенсацией за многомесячные задержки зарплаты в колхозе и т. д.? Подобные интерпретации причин воровства на селе достаточно распространены как в социологической, экономической, научно-публицистической литературе, так и в обыденной жизни.

Но возможна и другая версия, осмысленная с точки зрения институциональной методологии, — воровство как социокультурный феномен, как проявление социально-нормативной, институциональной незрелости. По большому счету, попытки объяснить воровство материально-экономическими причинами («Плохо живем, поэтому вынуждены воровать»), с одной стороны, оправдывают воровство. С другой — служат проявлением пережитков экономического детерминизма, который (как и географический, биологический и другие виды детерминизма) недооценивает значение самого общества, его социальных институтов, культуры, систем ценностей и норм и абсолютизирует значение внесоциальных факторов. Но для современной социологии очевидно, что при равных (неблагополучных) экономических условиях в разных обществах, культурах формируется во многом различный репертуар идей, сценариев (средств, методов) выхода из неблагоприятного положения. Те сценарии, которые в одних культурах считаются допустимыми, в других (в массовом порядке) даже не станут обсуждать.

Современное российское село...

Есть еще один ракурс анализа данной версии: что это за общество, где хотя уже не воруют у своих соседей, но не видят ничего дурного в том, чтобы своровать у жителей другого села, другого племени... В социологии, социальной антропологии — это известное явление, когда еще не сложились всеобщие (универсальные) этические нормы, формирующие нетерпимость к любому воровству.

Итак, попытаемся дать ответ на вопрос о природе воровства на селе на основе эмпирических данных.

В исследовании «Белогорье-2» задавался вопрос: «Можно слышать, что сельские жители нередко тайком уносят из колхоза сено, зерно, молоко, подворываю стройматериалы, горючее и т. д. (добор неубранного на колхозных полях урожая не засчитывается). После того как респонденты «вылили» на других все грехи, был задан вопрос: «А занимаетесь ли вы сами воровством?» (табл. 4)

Приступая к анализу данных табл. 4, необходимо обратить внимание прежде всего на следующие варианты ответов. Сколько людей признали, что воруют, т. е. (1 + 2), и сколько отметили, что это «противно им делать», т. е. не воруют по чисто нравственным мотивам. Остальные мотивы отказа от воровства: «нечего красть» (3-й вариант), «боюсь строгого контроля» (4-й вариант) предполагают, что при определенной ситуации данный человек мог бы украсть; 5-й вариант — «и без этого обойдусь», в какой-то мере свидетельствуют об отсутствии прямого экономического интереса к воровству. Итак, признались, что воруют (смотри сумму 1+2), каждый второй опрошенный — 49,5 % (это совпадает с результатами исследования «Белогорье-1», в ходе которого признались, что не воруют 51 % опрошенных, и это является свидетельством устойчивости результата). Причем, 22,8 % отметили, что причина их отказа от воровства состоит в том, что «нечего красть». Иными словами, в «резерве» у этих 49,5 % воров еще 20—23 % респондентов. Как видно из уже приведенных выше данных, воровство на селе действительно широко распространено.

При этом, и это очень важно отметить, нет никаких свидетельств, что воруют лишь те, кто беднее. Воровство распространено не в меньшей степени и в достаточно благополучных слоях сельского населения. Эта тенденция, выявленная еще в первом исследовании, подтвердилась результатами второго исследования: распространенность признания в воровстве не зависит от уровня жизни, т. е. не имеет чисто экономических корней. Так, среди живущих «очень бедно», 48,9 % признались в воровстве, среди живущих «кое-как» — 49,1 %; среди живущих «неплохо» — 50,9 %. Иными словами, уровень жизни напрямую не связан с воровством.

Отсутствие корреляции уровня жизни и степени распространенности признаний в воровстве есть своеобразное свидетельство того, что *воровство нельзя объяснять материально-экономическими причинами, низким уровнем жизни*. Люди склонны воровать и тогда, когда живут более или менее благополучно. Это является, на наш взгляд, одним из аргументов того, что воровство прежде всего социокультурная проблема, одна из граней допустимого, принятого порядка вещей.

Второе доказательство социокультурной природы воровства приводится еще в одном блоке эмпирических данных (табл. 5).

В вопросе представлены как моральные мотивы воровства (люди воруют, так как «потеряли совесть», «люди хотят разбогатеть неправедным путем»), так

Таблица 4. «А вы сами занимаетесь этим» (имеется в виду «тайком уносите сено, зерно, молоко, стройматериалы, горючее и т. д. ? Добор неубранного на колхозных полях урожая не засчитывать»), в % ко всем опрошенным

N п/п	Вариант ответа	Вся выборка (%)
1	Да	10,2
2	Да, но очень редко (по мелочам)	39,3
3	Нет, нечего красть	22,8
4	Нет, боюсь — строгий контроль	6,5
5	Нет, не приходилось, без этого обойдусь	15,3
6	Нет, мне это противно делать	5,9

Таблица 5. Причины распространенности воровства по мнению жителей села, в %

"Чем вы можете объяснить подобное положение" (один ответ)	
Люди потеряли совесть	5,8
Многие сейчас в тяжелом положении... Люди вынуждены делать это	64,3
Люди таким образом возвращают то, что недоплатил, задолжал им колхоз	21,6
Люди хотят разбогатеть несправедным путем — воровством	4,5
Так на селе повелось, стало привычкой	3,8

и сугубо экономические («люди в тяжелом положении», поэтому вынуждены делать это; «люди возвращают то, что им недоплатил колхоз») и мотивы смирения («так на селе повелось»). Как видно, среди жителей села доминируют материальные объяснения (оправдания); на них ссылаются 85,9 % опрошенных (варианты 2-й и 3-й). Что касается моральных, то они характерны лишь для 10,3 % опрошенных.

Корреляционный анализ распределений ответов о признании в воровстве в зависимости от объяснения очень многое проясняет (табл. 6).

Среди тех, кто приводит материальные (оправдывающие) объяснения, «люди в тяжелом положении... вынуждены делать это» — 53,9 % (12,9 % + 41,0 %) признались в воровстве. И лишь 4,1 % сказали, что не воруют, — им это противно. Аналогичная картина и по другому материальному объяснению — «люди возвращают себе то, что им недоплатил колхоз»: среди них воруют 49,2 %, не воруют всего 3,3 %.

Совершенно иная картина по «нравственным» показателям. Среди тех, кто считает, что «люди потеряли совесть», признались в воровстве 22,9 % (8,2 % + 14,7 %) и 24,5 % ответили, что им это противно (это в 6—7,5 раз больше, чем среди материально оправдывающих воровство). То же мы видим и среди тех, кто считает, что «люди хотят разбогатеть несправедным путем» — 23,7 % и 21,1 % соответственно.

Признаемся, что когда мы закладывали гипотезу о связи факта признания в воровстве с характером объяснения причин воровства, мы не ожидали столь

Современное российское село...

Таблица 6. Распределение ответов о признании в воровстве в зависимости от объяснения респондентами причин распространенности подобной практики

Причина	Да, занимаюсь	Да, во редко (или по мелочам)	Нет, нечего красть	Нет, боюсь, строгий контроль	Нет, без этого обойдусь	Нет, мне это противно
	1	2	3	4	5	6
Люди потеряли совесть	8,2	14,7	22,4	12,2	18,4	24,5
Многие в тяжелом положении... вынуждены делать это	12,9	41,0	20,7	6,3	15,0	4,1
Люди возвращают себе то, что им недоплатил колхоз	6,1	43,1	26,0	7,2	14,4	3,3
Люди хотят разбогатеть несправедливым путем	2,6	21,1	36,8	5,3	13,2	21,1
Так на селе повелось	—	50,0	25,0	—	21,9	3,1
В целом по выборке	10,2	39,3	22,8	6,5	15,3	5,9

Примечание. Сумма по строке составляет 100 %.

четко прослеживаемых тенденций. Это еще раз говорит, во-первых, о том, что воровство порождено прежде всего социокультурными (а не экономическими) причинами. Во-вторых, главный источник, корень воровства в том, что эта причина приобрела статус социально-оправдываемой (легитимной) — люди, дескать, вынуждены воровать. Наш предыдущий анализ свидетельствует о том, что этот аргумент ложный — зависимость между воровством и уровнем жизни сельских жителей не прослеживается. И борьба с воровством без уничтожения в сознании, в культуре легитимизации, оправдывающей воровство, повышенной терпимости к воровству, как показывают приведенные данные, не имеет шансов на успех.

При нынешнем же уровне легитимности этого зла для большинства сельского населения существует лишь одно ограничение — доступ к ресурсам. Углубленный анализ выявил интересные косвенные факты по этому поводу. Посмотрим, у кого был очень хороший доход в приусадебном хозяйстве от сдачи молока (от 1,5 тыс. рублей в месяц и выше) и от сдачи мяса (от 10 тыс. рублей в год) — для этого нужно иметь дополнительные комбикорма, зерно, сено и т. д. Откуда их взять?

По сдаче молока «передовиками» оказались руководители высшего звена животноводства и бригадиры трактористов, автохозяйств: среди них умудрились сдавать молока соответственно 16 % и 12,5 % (при средней по выборке — без пенсионеров — 1 %). По мясу опять же — бригадиры тракторного и автохозяйства (25 % при средней выборке 3,5 %) и руководители, главные специалисты тракторного и автохозяйства (18 % при средней выборке 3,5 %). «Неплохие» показатели и у руководителей столовых, складов, тока, заведующих подразделениями в животноводстве (по 12,5 % при средней цифре 3,5 %). При этом среди имеющих очень хороший доход от сдачи молока, мяса, не удалось зафик-

сировать ни представителей высшего управленческого звена, ни рядовых работников растениеводства, бухгалтерско-экономического профиля. Поэтому есть основания считать, что не сама по себе должность, а доступ к колхозному зерну, к комбикормам, наличие транспортных средств для их доставки с поля, фермы на подворье, а также право распоряжаться (руководить) этими ресурсами играют особую роль в доходности приусадебного хозяйства руководителей, бригадиров тракторного и автохозяйств, животноводства. Другие руководители не имеют доступа к этим ресурсам. В данном исследовании также было получено третье, на наш взгляд еще более важное, свидетельство социокультурной природы воровства из коллективного хозяйства.

В исследовании «Белогорье-2» было задано несколько вопросов о семье, главный из которых освещал отношение родителей нынешних респондентов к воровству. «Ничего из колхоза (с работы) тайком не приносили; сами резко осуждали такие факты и нам запрещалось зариться на чужое добро» ответили 28,6 % опрошенных; «сами ничего из колхоза (с работы) не приносили, но и других не осуждали» — 25,2 %; «так, по мелочам приносили из колхоза, с работы» — 26,6 %; «были вынуждены тайком и сено приносить, и зерно, но от детей это скрывали, не вовлекали их в подобные дела» — 12,7 %; «вынуждены были тайком подворовывать, когда было необходимо; использовали в этих целях и взрослых детей» — 6,8 %.

Мы не ожидали, что показатели воровства родителей будут так близки к показателям признаний в воровстве самих респондентов, сегодняшних жителей села (напомним, признались в воровстве 49,5 % опрошенных).

Ограничимся краткими комментариями результатов табл. 7. Обращают на себя внимание следующие моменты. Среди тех, чьи родители воровали, но детей не вовлекали, воруют 65,7 %; среди тех же, чьи родители вовлекали детей, признались в воровстве 82,7 %. Совершенно иная картина среди тех, чьи родители не воровали и осуждали воровство (здесь занимающихся воровством 34,9 %), или среди тех, которые сами не воровали, но и не осуждали воровство (36,5 %). Иначе говоря, среди тех, чьи родители не воровали, число подворовывающих сегодня в 2,3—2,4 (!) раза меньше, чем среди тех, чьи родители воруя, вовлекали их в подобные дела, и в 1,8—1,9 раз меньше, чем среди тех, чьи родители сами воровали, но не вовлекали детей.

Итак, семья, традиции воровства, переходящие от родителей к детям, сильнейший фактор сохранения в нашей действительности такого пагубного явления, как воровство колхозного (с работы) добра, и т. д. Способность явления к межпоколенной трансмиссии — один из главных признаков институализации, приобретения данным порядком вещей устойчивого, самовозобновляемого характера, эффекта объективности. «Пока зарождающиеся институты только создаются... их объективность остается незначительной, легко изменяемой, почти игровой... доступной для обдуманного вмешательства со стороны участников... Все это меняется в процессе передачи новому поколению... эти образования становятся историческими институтами. С приобретением историчности этим образованиям требуется совершенно иное качество — качество объективности. Другими словами, институты теперь воспринимаются как обладающие своей собственной реальностью; реальностью, с которой индивид сталкивается как с внешним и принудительным фактом» [Бергер, Лукман 1996, с. 98].

Современное российское село...

Таблица 7. Распределение признаний респондентов в собственном воровстве в зависимости от ответов об отношении их родителей к воровству

Признались в том, что занимаются подобными вещами						
Родители	Да, занимаюсь	Да, но редко (или по мелочам)	Нет, нечего красть	Нет, боюсь, строгий контроль	Нет, и без этого обойдусь	Нет, мне это противно
	1	2	3	4	5	6
Ничего тайком не приносили, резко осуждали такое, и нам запрещалось	6,8	28,1	26,0	4,3	22,1	12,8
Сами ничего не приносили, но и других не осуждали	5,2	31,3	29,4	11,4	17,5	5,2
Приносили по мелочам	9,9	50,7	18,4	4,9	13,9	2,2
Приносили сено, зерно. От детей скрывали, не вовлекали их в подобные дела	17,6	48,1	20,4	6,5	4,6	2,8
Тайком подворовывали, вовлекали детей	29,3	53,4	6,9	5,2	5,2	—
Средний по выборке	10,2	39,3	22,8	6,5	15,3	5,9

Примечание. Сумма по строке составляет 100 %.

Подобные явления уже не назовешь случайными, нетипичными, экспериментальными, одноразовыми. Воруют не только наши современники, живущие в кризисном обществе: эта болезнь передавалась из поколения в поколение. Обратите внимание: там, где родители не воровали, резко осуждали и запрещали подобное, не только меньше всего тех, кто ворует, — всего 34,1 % (против 82,7 % среди тех, чьи родители вовлекали детей в это дело), но и больше тех, кто не ворует по чисто этическим соображениям, — «мне противно» — 12,8 % (среди тех, чьи родители воровали и вовлекали детей, ни одного такого не нашлось). Полученные данные являются еще одним доказательством преимущественно социокультурной (а не экономической) природы рассматриваемого явления.

Наши рассуждения о воровстве колхозного, заводского, хозяйского, помещичьего, государственного, т. е. «казенного», имеют много вариантов продолжения. Необходимо всеми силами, практикой, аргументами, пропагандой уничтожить представление о вынужденности воровства, его экономических первопричинах, искоренить легитимацию подобных явлений, порождающую повышенную терпимость к ним. Мы думаем, что наши люди воруют из-за бедности, а может быть наоборот?

Проведенное исследование подводит нас к пониманию ряда теоретических вопросов, в частности уточняются общесоциологические представления о *функционировании институтов*.

Все корреляционные прокрутки «сюжетов» сельской жизни, признаний в воровстве не выявили научно-значимых различий ни в уровне осуждения тех или иных фрагментов сельской жизни, ни в признании в воровстве в зависимости от уровня жизни, пола, возраста, образования, рода занятия и, что особенно важно, от ценностных предпочтений.

Перед нами предстала, когда речь идет о практических оценках, нравах, практике повседневной жизни, удивительно гомогенная, однородная в нравственно-практическом отношении масса людей. Мы имеем дело с единым социокультурным полем, с едиными нормативно-нравственными тенденциями: повышенной терпимостью к воровству колхозного, пьянством на работе, разгильдяйством, ощутимой терпимостью к тем, кто уклоняется от работы, не выполняет порученного задания, с практикой выдвижения и подбора кадров по принципу личной преданности, родственных связей.

В этой гомогенности просматривается своеобразный закон функционирования социальных институтов. Они не могут быть локализованы в рамках одной личности, узкой группы лиц. Ведь речь идет о возобновляемых *системах социальной кооперации* в рамках данного социума. Отдельные люди, пусть самые совестливые, культурные, не могут противостоять давлению социальных нравов, осознанно или неосознанно, вынужденно или добровольно принимая правила игры. Иначе ты будешь лишен поддержки, будешь выглядеть непривычно, ненормально. Поэтому, как бы ты не думал, к чему бы не был склонен в своих идейных исканиях, этических поисках, в реальной практике ты должен быть предсказуем, приемлем, надежен. Иначе говоря, практика институциональных взаимодействий «выявляет» во всех слоях сельского населения определенные нормы поведения — у носителей самых различных ценностных ориентации более или менее единый «порядок практической жизни».

Исследование дает основание для некоторых уточнений наших представлений о соотношении ценностного и нормативно-практического уровней регуляции поведения. Подтверждением эффекта «продавливания» является корреляция показателя «признание в воровстве» с ценностными предпочтениями (ответами на вопрос: «У каждого человека есть представления о том, что приносит в жизни наибольшее удовлетворение, к чему в первую очередь следует стремиться... Выберите наиболее важные для Вас, но не более трех вариантов»). Отметим, что из одиннадцати вариантов выбрали в числе трех предпочтений «здоровье» — 87,4 %, «материальный достаток» — 54,5 %, «покой и взаимопонимание в семье» — 46,7 %, «успех и достижения детей» — 38,2 %, «интересная работа, как говорится по душе», — 17,9 %, «уважение со стороны коллег» — 15,9 %, «жизнь в ладу со своей совестью» — 10,6 %, «ощущение себя профессионалом, мастером своего дела» — 5,3 %, «широкий кругозор, начитанность» — 3,3 %, «личный покой, отсутствие волнений, неприятностей» — 3,2 %, «достижение важной должности» — 0,6 %. Так вот, при среднем по выборке показателе признания в воровстве 49,5 % в зависимости от выбора ценностного предпочтения этот показатель устанавливался всегда на довольно высоких уровнях, в пределах от 39,5 % («жить по совести»), 41,3 % («широкий кругозор, начитанность») до 54 % («материальный достаток»), т. е. даже в самых совестливых группах не могут противостоять практике институциональных взаимодействий.

Современное российское село...

Причем «совестливые», «профессионалы», как показал корреляционный анализ, проявили достаточную последовательность, когда речь шла о других вербальных показателях: мнений в отношении того, как жить среди других людей, выборы в альтернативной ситуации. Но когда речь зашла о практической оценке, нравах, о практической стороне жизни (в том числе о воровстве), они проявили себя, «как все».

Высказанная гипотеза никак не уменьшает роли ценностей в жизни общества, но уточняет наши представления о ценностно-нормативной системе социальной регуляции, внутренней динамике элементов этой системы. Ценность лишь в *конечном* счете предопределяет общую стратегию, направленность поведения. Она лишь указывает на желательное, предпочтительное, а норма поведения повелевает действовать вполне определенным образом. Между ценностью, которая усвоена человеком в мыслях, в сознании, и практическим действием может наблюдаться разрыв, и немалый. Практические действия личности могут быть и неадекватны ценностям, а могут быть принуждаемыми практиками, обстоятельствами, условиями, сформировавшимися в этой среде

Нормы как основной инструмент функционирования институтов в отличие от ценности социум может навязывать своим членам с помощью санкций. В выборе нормы, как и института, свобода человека ограничена.

Не следует ли признать, что закон институализированных взаимодействий состоит не только в том, что главным культурным регулятором этих взаимодействий являются нормы, конкретные образцы практического поведения, но и в том, что именно они обладают наибольшей устойчивостью, консерватизмом, так как практически (а не мысленно) организуют взаимодействия людей. Мы можем разделять либеральные ценности (и не только в ответах анкеты), но практически устанавливать устойчивые, надежные взаимоотношения преимущественно на основе личных связей, принципа «ты — мне, я — тебе». Именно изменение нормативной культуры, практических образцов — самое трудное в изменении социальной жизни. Надо уметь практически делать по-новому. И не только ты должен уметь так действовать, но это должны признать надежным, предсказуемым все те, с кем ты взаимодействуешь. Таковы законы социальной кооперации.

Согласно социологическим постулатам, ни одна социальная система не может эффективно существовать, если в ней не соблюдаются базовые условия коллективного существования, в том числе приемлемы ложь, воровство и т. д., отсутствуют механизмы социального контроля. Более того, соблюдение базовых условий является культурной универсалией — всеобщим условием социальной жизни [Мердок 1997, с. 51].

Социум с прорехами в этой области неминуемо будет демонстрировать более низкую эффективность коллективной жизни. Вследствие разных социально-исторических, социокультурных причин в разных культурах выработаны различные репертуары ведущих средств, методов, приемов решения проблем в аналогичных ситуациях. Воровство (как и коррупция, блат, использование служебного положения) входит в культурную традицию многих народов, что и понятно, — ведь это наименее трудоемкий путь личного обогащения. Но в одних культурах благодаря социально-нормативному развитию сумели сделать подобный метод решения проблем недопустимым, массово осуждаемым,

ни при каких условиях нравственно невозможным. В культурах других социумов воровство, хоть и не одобряется, но молчаливо признается средством решения своих проблем, путем обогащения. И поэтому воровство, взятка, коррупция как молчаливо массово-признаваемое, массово-допустимое, продолжает существовать в подобных обществах как массово-практическое явление.

Недостаточная социально-этическая зрелость нашего общества, его институциональной основы — результат сложной и драматичной истории. Некоторые свои подходы, объясняющие данную проблему, мы излагали ранее, хотя и отдавали себе отчет в том, что это лишь первые шаги на пути понимания нашего общества, его природы и своеобразия [Общая социология 2000, с. 264—271, 374—380, 448—451]. Завершая анализ реальных нравов сельского населения, мы увидели еще одну грань исследуемой социальной реальности — степень социально-нормативной зрелости сельского социума. Причем речь идет не просто о заблуждениях единиц, которых можно было бы перевоспитать. Проблема — изъяны институциональных первооснов нашего общества, которые передаются из поколения в поколение, охватывая как тех, кого надо воспитывать, так и тех, кто должен воспитывать.

И здесь мы возвращаемся к одной из проблем, поставленных в начале работы, — соответствию (адекватности) предлагаемых инноваций институциональным первоосновам реформируемого социума. Одним из ожидаемых онтологических результатов в случае несоблюдения этого требования является, как мы отмечали, вульгарно-симбиотический вариант, когда задуманное воплощается в крайне уродливых формах, возможен социальный регресс в результате инноваций, неадекватных институциональной основе.

Не является ли признаваемый всеми рост коррупции, блата, местничества во властных органах, олигархии, киллерства, использование административного ресурса в политической и экономической конкуренции и т. д. — всего того, что стало массовым и типичным для нашего общества в последнем десятилетии, уродливым, но отнюдь не случайным последствием внедрения реформ, неадекватных институциональной первооснове нашего общества, степени социально-этической зрелости его институциональной системы.

Пути реорганизации сельскохозяйственного производства

Российское сельское хозяйство вот уже десятилетие находится в ожидании серьезных институциональных изменений, призванных решить коренные вопросы его экономической организации. Каким должен быть вектор этих изменений? Стоит ли решать проблему методом умозрительного перебора экономически рациональных схем, которые, как ожидается, дадут наибольший эффект? В контексте институционального подхода известно: то, что в одних культурах обеспечивает хороший результат, в других может обернуться неудачей. Более того, функционирование тех или иных институтов должно отвечать прежде всего не максимально-рациональной эффективности, а общественной приемлемости, легитимности. Соответственно преобразования, трансформация дол-

Современное российское село...

жны быть соотнесены с критерием приемлемости нового, наличием практических умений, образцов поведения, готовности к осуществлению нового. Поэтому изменения должны быть адекватны сложившейся институциональной практике, носить преимущественно инкрементальный (а не дискретный) характер.

В ходе проведенных исследований выяснились мнения, оценки, суждения селян о нынешнем состоянии сельскохозяйственного производства, о формах организации сельского хозяйства, которые им видятся наиболее предпочтительными.

При этом акцент делался на анализ альтернативы «индивидуально-частное» и «коллективно-общественное» как на принципиально разных формах организации сельскохозяйственного производства. Специально не рассматривались вопросы продажи (оборота) земли. Во-первых, глубинные интервью на предварительном этапе исследования показали, что компетентность респондентов в этом вопросе в своей массе явно недостаточна. Во-вторых, именно анализ через призму альтернативы «индивидуально-частное» или «коллективно-общественное» ведение производства выводили нас на изучение глубинных пластов, базовых представлений о том, как жить, работать, хозяйствовать — «сообща делить и радости и печали, рассчитывая на поддержку, соучастие партнеров», или «поодиночке, надеясь прежде всего на себя, на свою инициативу, квалификацию» и т. д.

Описывая полученные результаты, отметим ряд парадоксов в отношении работников и членов колхоза к состоянию дел в своем коллективном хозяйстве*.

С одной стороны, по ряду показателей респонденты выносят достаточно суровую оценку реальной действительности коллективного хозяйствования. Так, 77,6 % и 81,6 % опрошенных (соответственно в первом и во втором исследованиях) оценили положение дел в колхозе как «плохое» и «очень плохое». И на вопрос, «надо ли что-нибудь предпринять, чтобы наладить жизнь в вашем селе», 69,5 % и 70,1 % опрошенных (в первом и втором исследованиях соответственно) ответили, что «надо предпринять самые серьезные меры», отклонив другие, менее решительные варианты («нет, дай Бог все само наладится», «да, но достаточно дать новый кредит», «да, но достаточно сменить председателя»). Глубокое разочарование, протест по отношению к нынешнему положению дел ощущается повсеместно, ими наполнен воздух тех сел, где проводилось исследование. И его результаты подтвердили эти настроения.

С другой стороны, опрошенные работники продолжают всеми силами держаться за колхоз. Об этом свидетельствуют как наши наблюдения (вспомним дисциплинированных работниц бухгалтерии, по несколько месяцев не получавших зарплату, но исправно выходявших на работу), наши неформальные беседы («куда же мы без колхоза», «родной колхоз»), так и результаты стандартизированного интервью, анкетирования. У работающих в колхозе спрашивали об их желании (нежелании) отказаться от работы в колхозе с объяснением причин такого желания (нежелания). Оказалось, что прекратить работу в колхозе из тех, кто там работает, хотят от 14,5 до 18 %. Остальные же при всей своей

* Сегодня под колхозами имеются в виду коллективные хозяйства со статусом АОО, ООО, товарищества, возникшие на базе прежних советских колхозов и совхозов, но в основных чертах сохранивших колхозно-совхозную советскую систему организации производства, хотя и несколько реформированную.

острой неудовлетворенности положением дел в коллективном хозяйстве заявляют о готовности продолжить работу.

Попытки разгадать данный парадокс приводят нас к осмыслению как хозяйственно-экономических, так и, что важнее в данном случае, общесоциальных реалий современной сельской жизни.

Начнем с экономических парадоксов. Колхоз худо-бедно выполняет определенную хозяйственную функцию. Так, 64 % опрошенных семей работников колхозов отметили, что все-таки колхоз дает (легально или нелегально) какой-то доход. Еще 32,5 % сказали, что нужны корма, которые (легально или нелегально) можно получить в колхозе. Эти ответы так или иначе свидетельствуют о том, что в домохозяйствах хорошо понимают и осознают роль коллективного хозяйства в улучшении благосостояния их семей, в развитии их подворья, которое, казалось бы, должно являться главным кормильцем.

Полученные данные заставляют серьезно переосмыслить в сторону снижения роль подсобного хозяйства как формы индивидуального ведения хозяйства, как источника материального обеспечения семьи колхозника, не говоря уже о производстве сельскохозяйственной продукции.

Нередко утверждают, что сегодня на долю производимой на подворье продукции приходится до 60 % всей сельскохозяйственной продукции и делается вывод: а) о более высокой экономической эффективности индивидуально-частной формы ведения сельского хозяйства; б) наличии в наших селах субъектов, готовых на основе ведения индивидуальной формы хозяйствования накормить страну, дали бы такую возможность.

Наше исследование показало, что личное подсобное хозяйство — это, по сути, филиал, дочерняя фирма коллективного хозяйства. Во многом условием эффективности подсобного хозяйства является его неразрывная связь с колхозом, который в легальных или нелегальных формах фактически поддерживает подворье. До 50 % зерна и 40 % сена, используемого на подворье, по признанию самих респондентов, они получили в колхозе. Но есть основания считать, что нередко и вся остальная часть зерна также была получена в колхозе, но уже нелегально. Признания в воровстве говорят о том, что подворье не просто связано с коллективным хозяйством, а фактически паразитирует на нем. Поэтому оценочные сведения о том, что 60 % сельскохозяйственной продукции производит личное подворье, если судить по нашим расчетам на основе исследования сел Белгородской области, как минимум, в 1,5 раза завышены. Современное российское крестьянское подворье не выживет и дня без коллективного хозяйства. Это невозможно ни в экономическом, ни в общесоциальном смысле (речь идет о мотивации сельских тружеников, их готовности нести полную личную ответственность за свое материальное положение).

Следует признать, что на селе сформировалась сложная форма хозяйствования, где преимущества коллективного ведения хозяйства, в особенности в производстве зерновых, кукурузы, подсолнечника, дополняются возможностями ведения личного хозяйства. Другое дело, какая это форма хозяйствования. Во-первых, малоэффективная, с малой производительностью, большими издержками, высокой себестоимостью. Во-вторых, полностью утратившая легитимность в глазах самых широких масс.

Отметим и еще одно обстоятельство, которое позволяет более реалистично оценить возможности личного приусадебного хозяйства как формы индивиду-

Современное российское село...

ально-частного ведения хозяйства. Наши расчеты показали, что фактор эффективного ведения приусадебного хозяйства играет ведущую роль в процессе перехода из состояния нужды, крайней степени бедности в положение «сводим концы с концами». Для достижения уровня «живем неплохо» эффективное ведение приусадебного хозяйства необходимо, но все-таки особое значение здесь приобретают доходы, полученные семьей в виде зарплаты в учреждениях вне колхоза или в колхозе, пенсий и т. д., т. е. доходы от общественного сектора производства.

Сопоставим динамику данных в зависимости от уровня жизни — «живем очень бедно», «кое-как сводим концы с концами», «живем неплохо» — по показателям:

1) средняя среднемесячного дохода от реализации на продажу молока, мяса и т. д.

Были получены следующие данные: 230 руб. — 590 руб. — 830 руб., что составило 1 : 2,56 : 1,4, т. е. пропорция между первым и вторым уровнем 1 : 2,56, а между вторым и третьим всего 1 : 1,4;

2) средний среднемесячный доход домохозяйства, полученный от деятельности в общественном секторе в виде зарплаты (работа в колхозе, в учреждениях вне колхоза, а также в различных бюджетных организациях), пенсий, пособий, получаемых от государства.

Здесь имелись такие данные: 562 руб.: 750 руб.: 1250 руб., что составило в пропорции 1 : 1,33 : 1,7, т. е. пропорция между «живем очень бедно» и «живем кое-как» 1 : 1,33, а между «живем кое-как» и «живем неплохо» 1 : 1,7.

Выявляется определенная тенденция: в изучаемых селах без доходного, эффективного ведения приусадебного хозяйства нельзя выбраться из нищеты, жить хотя бы на уровне «выживания», но без достаточно устойчивых и более или менее высоких доходов из общественного сектора экономики, как правило, невозможно добиться более или менее приличного уровня жизни.

Таким образом, возможности приусадебного участка имеют определяющее значение для выживания, но не способны обеспечить достижение стабильного благополучия. Здесь ощущаются вполне определенные ограничения, в том числе пределы человеческих возможностей, проблемы свободного времени для духовного развития, роста квалификации, наличие кормовых и других ресурсов и т. д. В ходе предварительных углубленных интервью мы не заметили у сельских жителей особого желания вести приусадебное хозяйство. Держать коров, кормить скот и т. д. — это огромный, и подчас каторжный, труд, лишаящий людей досуга, возможности культурного развития.

Тот факт, что сегодняшней колхоз уступает в эффективности приусадебному хозяйству, не является свидетельством высокой эффективности самого приусадебного хозяйства как формы индивидуального ведения хозяйства.

Вышесказанное приводит нас к мнению о том, что, признавая особую роль подворья как главного гаранта физического существования беднейшей части селян, необходимо признать, что в рамках сформированной в массах (доминирующей) мотивации труда, низкой степени личной ответственности за свое благополучие индивидуальная форма хозяйствования имеет ограниченные перспективы. Видимо, в этих социально-мотивационных условиях особую, если не решающую, роль в обеспечении более или менее высокого материального и

культурного уровня жизни селян должны играть коллективно-общественные формы организации производства, но на принципиально иных, чем сегодня, экономических условиях.

Какие же социальные реалии скрываются за эмпирически обнаруженными парадоксами: люди, с одной стороны, глубоко недовольны колхозом, требуют коренных изменений в нем, с другой стороны, не хотят выходить из колхоза, объясняя это как в неформальных беседах («родной колхоз», «все свои люди, куда я без них...»), так и в стандартизированных интервью тем, что с колхозом «чувствуем себя надежнее», «уверенней: есть к чему стремиться, кому тебя защитить» (28 %), «привык работать в колхозе, а что я еще умею делать» (26 %), «все-таки на людях, с людьми делаешь одно общее дело, имеешь общие заботы» (12 %) и т. д.

Нежелание выходить из колхоза свидетельствует о том, что для современного крестьянина коллективная организация хозяйственной деятельности больше, чем сугубо экономическое явление. Для него важна роль коллективного хозяйства в социальной организации жизни людей. Утратила легитимность лишь неэффективная в экономическом отношении сама форма коллективного хозяйства, но, безусловно, сохранена легитимность коллективной организации сельской жизни в целом.

В течение нескольких столетий сначала принадлежность к общине, участие в ее жизни, а затем в колхозе институализировали определенные социальные типы отношений, нормы, ожидания. Представления наших селян о том, как следует жить, в каком пространстве себя ощущать за годы, в том числе, колхозного строя, претерпели серьезные изменения. Пройден определенный путь, благодаря которому работа, общение в коллективно-групповых формах социальной жизни (а это в принципе более эффективные формы) стали привычными, признаваемыми, одобряемыми. Наш народ прошел этот путь в своей социокультурной эволюции, и это социальный факт, который нашел свое эмпирическое подтверждение. Во всех случаях признается, что коллективно-групповой тип соорганизации людей являет собой более высокую ступень, более выгодную форму социальной жизни. И задача в том, чтобы, используя уже сложившиеся институционально мотивационные отпечатки и предпочтения по-новому организовать коллективно-групповую жизнь.

Стремление современных селян к глубоким изменениям организации сельскохозяйственного производства (необходимость серьезных изменений признают 70 % опрошенных) при безусловном сохранении коллективно-общественных форм организации хозяйственной жизни было выявлено в ответах на вопрос об отношении опрошенных к различным вариантам дальнейшего развития села. В рамках альтернативы «индивидуально-частая» и «коллективно-общественная» форма ведения хозяйства нами было предложено четыре варианта, которыми, очевидно, не исчерпываются возможные пути развития сельского хозяйства в России.

Один из вариантов — передать колхоз под государственное управление, контроль («пусть оно само руководит, помогает селу, само за него отвечает»). Фактически это означает возврат к совхозам или, в лучшем случае, колхозам советской поры.

Другой путь предполагает «распустить колхоз и раздать землю крестьянам, пусть каждый сам хозяйствует на свой страх и риск». Это в какой-то мере вари-

Современное российское село...

ант безответственно авантюристический. Решительность в реорганизации здесь сочетается с непродуманностью стратегии. Главная ориентация — это надежда на самоорганизацию, что как-нибудь все наладится. Подобная идея во многом перекликается с идеей, которая была распространена в начале 1990-х годов, — «рынок все наладит».

Третий путь, хотя и напоминает в чем-то второй, делает определенный акцент на развитии фермерства, которое становится организующим началом сельскохозяйственного производства. «Распустить колхоз и раздать землю крестьянам, которые захотят — сдадут ее в аренду фермеру, захотят — продадут ее и пойдут к нему работать. Фермер будет лично, своим рублем отвечать за дело. Только личный интерес сдвинет дело с мертвой точки».

Четвертый путь, как и два предыдущих, предполагает коренные преобразования, но с целью создать новый тип коллективного сельскохозяйственного производства. «Распустить колхоз и раздать землю крестьянам, которые совместно с крупным экономически сильным промышленным предприятием могли бы организовать новое коллективно-акционерное» общественное хозяйство. Это предприятие сумеет помочь селу техникой, организовать "по-заводскому" сельское производство, в тоже время сохраняя земельные наделы». Его основная составляющая: коллективно-акционерная (рыночная) форма организации сельскохозяйственного производства; совладельцем, наряду с владельцами земельных паев — селянами, становится крупное, уже адаптированное к условиям рынка промышленное предприятие, которое привносит свой опыт организации, хозяйствования, выделяет или (добывает) необходимые для подъема разоренных колхозов ресурсы.

Опрошенным было предложено высказать свое мнение о целесообразности этих вариантов. При этом требовалось высказаться по каждому из них по следующим рубрикам: «это очень поможет», «это ничего не изменит», «это скорее погубит дело», а также «затрудняюсь ответить». Иными словами, не требовался жесткий альтернативный выбор «фермер или государство», который волей-неволей идеологизировал бы этот выбор. Было бы трудно выявить, что люди более или менее приемлют, а что вообще отвергают.

В результате исследования выявлено, что среди опрошенных достаточно велика доля затруднившихся с ответом: 47,2 % по четвертому варианту, 41 % по первому, соответственно по второму и третьему вариантам — 27 % и 34,6 %. Причем, наибольшее количество таких ответов было выявлено среди «пенсионеров» и «живущих очень бедно». Среди последних почти половина уклонилась от ответа. Это, видимо, свидетельствует об «отрешенности», индифферентности, социальной депрессии (пассивности), а может быть, и недостаточной социально-интеллектуальной развитости людей, живущих на уровне нищеты. К примеру, среди участвовавших в исследовании молодых колхозников (до 35 лет), руководителей колхозного производства различного уровня, тех, которые смогли сказать о своем уровне жизни «живем неплохо», а также «прилагаем дополнительные усилия», затруднились с ответом 20—30 %.

В целом тот факт, что среди опрошенных достаточно велика доля затруднившихся с ответом помимо прочего свидетельствует о том, что сельское население плохо ориентируется в возможных вариантах развития сельскохозяйственного производства, затрудняется в их понимании и оценке. Это касается, как

мы уже говорили, и вопросов о введении частной собственности на землю. Кроме того, не выработана позиция о предпочитаемых путях развития сельского хозяйства.

Анализ полученных ответов выявил главную тенденцию: явное отторжение селянами второго и третьего вариантов, которые основываются на индивидуально-частной форме ведения хозяйства. Наибольшее неприятие у опрошенных вызвал стихийно-рыночный вариант «распустить колхоз и раздать землю крестьянам: пусть каждый сам хозяйствует на свой страх и риск... а там посмотрим». Сочли, что такие меры скорее погубят дело, 68 % всех опрошенных (причем, среди тех, кто «живет неплохо», отвергли стихийно-рыночный вариант 76 %). Недовольство вызвал и «фермерский» вариант развития, предполагающий сдачу в аренду или продажу земли крестьянами фермеру, «который лично, своим рублем будет отвечать за дело». Сочли такую меру губительной 54,5 % опрошенных, причем наибольшее отторжение фермерского пути развития российского земледелия зафиксирован среди тех, на кого нередко уповают сторонники подобного рецепта: те, кто «живет неплохо», и, что еще важнее, те, кто «прилагает активные усилия» для улучшения уровня своего благосостояния — соответственно 63,6 % и 66,7 %.

Определенное предпочтение селяне отдают коллективно-общественной форме организации, хотя это и не так ярко выражено, как неприятие стихийно-рыночного и фермерского путей. Именно из вариантов «передать колхоз под государственное управление» и «крестьянам создать совместно с экономически сильным промышленным предприятием коллективно-акционерное общественное хозяйство» больше всего опрошенных сочли, что «это очень поможет делу» (соответственно 21,7 % и 36,1 %), и менее всего полагали, что «это скорее погубит дело» (соответственно 18,3 % и 14,1 %). Но зоны поддержки этих двух коллективно-общественных форм существенно различаются. Коллективно-акционерный путь поддерживает молодежь, те, кто «живет неплохо», «прилагают усилия» (соответственно 43,7 %, 40,9 %, 40,9 %). Что же касается пенсионеров, «живущих очень бедно» и «живущих кое-как», доля тех, кто считает, что «эта мера очень поможет», составила соответственно 16,9 %, 9,5 %, 26,8 %, т. е. в 1,8—4,5 раза меньше, чем среди молодых и зажиточных селян. У пенсионеров, живущих «очень бедно» или «кое-как», именно государственно-попечительский вариант занял первое место в рейтинге предпочтений.

Итак, большинство опрошенных сельских жителей отвергают индивидуально-частную форму ведения хозяйства, что вполне вписывается в систему доминирующих мотиваций, предпочтений и ориентаций, о которых речь шла выше. Не особо рвутся стать независимыми частными собственниками, фермерами даже те, на кого подчас уповают сторонники подобных вариантов развития сельскохозяйственного производства, — особо активные и обеспеченные селяне. Они научились и готовы впредь свою активность, достигнутый уровень материального благосостояния сочетать с коллективно-общественным характером жизненного и хозяйственного укладов. Вполне возможно, что фермерский путь окажется экономически более эффективным, но его реализация требует определенных институциональных предпосылок, устойчивых систем взаимодействий, образцов поведения, ожиданий. Без них он лишается легитимности, признания желательного, предпочтительного, а значит, реализуемого.

К вопросу об основных тенденциях институциональных изменений (вместо заключения)*

Если попытаться в самой общей форме выразить суть трансформационных процессов, охвативших российское общество в прошедшее десятилетие, то можно сказать, что речь идет о совокупности (системе?) кардинальных мер (реформ), направленных на существенное повышение эффективности системы социальной кооперации и ее сердцевины — социальных институтов, взятых в их целостности.

В этом аспекте предпринятый нами на основе конкретно-социологических данных анализ ряда наиболее глубинных, элементарных и достаточно устойчивых образцов каждодневной практической жизни сельского населения подводит к некоторым умозаключениям в контексте теории и практики управления институциональными изменениями. Не повторяя выводов, уже сделанных в статье, в заключение считаем нужным обратить внимание на следующее.

Осуществляя институциональные изменения, необходимо учитывать как первое условие то, что институты обладают неодолимостью и социальной объективностью, независимостью от воли, желаний отдельных людей (в том числе реформаторов) и, может быть, даже новых поколений. Эта неодолимость не физически-вещественного, а социокультурного порядка. Она проявляется прежде всего в том, что институциональные основы повседневности, т. е. наиболее глубинные устойчивые элементы организации социальной жизни, незаметно для самих акторов перетекают в немалой степени в новые социокультурные формы, придавая процессу институциональных изменений инкрементальный характер. Сохранение и воспроизведение в новых формах значительной части прежних устойчивых образцов поведения, ролевых экспектаций, мотиваций повседневной деятельности происходят не только из-за отсталости людей, их недопонимания и т. д., но и обусловлены практическими механизмами взаимодействия, лежащими в основе социальных институтов, в которых главное — надежность, привычность, уверенность, что это будет поддержано и принято всеми.

Как показал в том числе наш отечественный опыт, именно в ходе практического воплощения высоких целей, ценностей, которые провозглашались в начале 1990-х годов, инкрементальный характер институциональной динамики проявляется с наибольшей силой. Именно поэтому «хотели как лучше, а вышло как всегда». Приверженцы даже самых ярких идей и целей действуют так, как им самим знакомо, для них самих надежно, так, как принято, ибо общество заставляет действовать определенным образом, а иначе они не будут поняты, предсказуемы для других. Доминирование аскриптивных норм над достигнутыми (что проявляется в доминировании блата, связей, принципов личной преданности, исключений для «двоих» над профессиональной компетентностью и т. д.), пренебрежение законом, превалирование неформальных связей и форм взаимоотношений над формальными, несоответствие формального зако-

* Механизмы институциональных изменений, движущие силы этого процесса в первом приближении см.: [Общая социология 2000, с. 246—250].

на, установлений и действительности, расхождение между словом и делом — это реальный практический механизм деятельности как в предыдущие эпохи, так и сегодня. И попытка «одним прыжком» кардинально изменить этот механизм возможна лишь в воображении.

Понимание инкрементального характера институциональных изменений подводит нас также к осмыслению институциональной динамики как процесса преимущественно эволюционного по своей природе. Перетекание наиболее глубоких, устойчивых и элементарных основ институциональных структур в новые формы неизбежно. Поэтому даже самая революционная форма изменений институтов (кроме самых крайних, когда физически уничтожаются социальные слои — носители определенных стандартов поведения, нравов, традиций) в конце концов имеет результаты, в которых явно ощущаются следы прежних обычаев, норм и т. д. Одно дело — замыслы горящих нетерпением и ненавистью к прошлому «революционеров», другое — реальные результаты, в которых в немалой степени воспроизводятся, в которые перетекают прежние правила игры, ролевые экспектации, жизненные стратегии, в том числе в поведении самих революционеров.

Эволюция не противостоит реформе как достаточно глубокому преобразованию социальных систем, но она ставит серьезную проблему шага институциональных изменений, их поэтапности, растянутости во времени. При этом определении возможная длина шага зависит от ряда конкретно-исторических обстоятельств, ситуаций, а также от степени соответствия предполагаемых изменений глубинным основаниям институциональной структуры данного общества, его культурно-историческим традициям, социально-историческому этапу развития институциональной системы этого общества (традиционные институты — современные институты), а также уровню социальной зрелости институциональной системы, организованности общества.

Признание преимущественно инкрементально-эволюционного характера институциональной динамики подводит к пониманию культурно-исторической определенности вектора институциональной динамики. Сегодня все развитые общества (народы) уже создали социокультурную первооснову своей институциональной системы. Она воспроизводится из поколения в поколение. Можно говорить о степени институциональной зрелости того или иного общества, об эффективности найденных в рамках этого культурно-исторического выбора форм социальной кооперации. Соответственно можно говорить о совершенствовании общества как системы социальной интеграции, повышении уровня его институциональной зрелости. Вместе с тем весь исторический опыт последних трех—четырёх столетий не дает оснований для признания того, что совершенствование данного общества, повышение его эффективности могут быть достигнуты в процессе (или вследствие) смены культурно-исторического вектора развития. При всей «привлекательности», эффективности социальных систем кооперации, достигнутых народами иных цивилизационных векторов развития, инкрементальный характер социальной динамики в принципе делает нереалистическими подобные кардинальные изменения. Это не значит, что не могут быть заимствованы те или иные формы обустройства общественной жизни, организации экономики, политической сферы. Но всегда следует ожидать, что эти заимствованные формы в рамках данного культурно-историчес-

Современное российское село...

кого выбора, взаимодействуя с исходными элементами институциональной структуры, «зазвучат» по-иному, в том числе могут привести к незапланированным нежелательным результатам.

Следовательно, цели институциональных изменений, внедряемые новые формы, правила игры с учетом преимущественно инкрементально-эволюционного характера институциональных изменений должны быть в целом адекватны нормативно-практической, институциональной первооснове организации данного общества, учитывать социально-исторический этап его развития, уровень организованности, зрелости институциональной системы.

На наш взгляд, несоблюдение принципа адекватности ведет к возникновению симбиотически-уродливых форм типа «управляемой демократии», «черного» PR на выборах, к замене свободной конкуренции киллерством, протекционизмом чиновников и т. д. К духовно-нравственным трудностям, которые всегда сопровождают серьезные изменения социальных устоев, добавляются новые, еще более опасные, во многом вызванные несовместимостью в данный исторический момент заимствованных целей, форм и нормативно-практической основы социальной жизни. В результате в обществе резко снижаются предсказуемость поведения социальных агентов, их организованность. Институты не просто приобретают уродливо-симбиотический характер, а становятся деструктивными, по крайней мере эффективность, конкурентоспособность подобных обществ оказываются гораздо ниже ожидаемых.

Опасность деструктивного, симбиотически-уродливого развития нарастает в нашем обществе и по другой причине. Есть основания говорить об определенной институциональной незрелости, проявляющейся в массовом неуважении нравственных и правовых законов, снижении планки допустимости воровства, которое молчаливо признается. Эта незрелость порождена спецификой культурно-исторического развития, двойственным положением в диалоге Запада и Востока, спецификой религиозного развития, становления и функционирования российского государства, политической власти, ее традиций. В этих условиях попытки внедрить цели, социальные формы, имеющие высокую социальную и экономическую эффективность в условиях почитания нравственного и правового законов, личной ответственности за свое материальное положение, таят опасность усиления деструктивных моментов.

Как и многие другие исследователи [Нуреев 2001, с. 64], мы считаем, что научную работу следует нацелить на поиск эффективных для России XXI в. институтов. Основа такого поиска — это понимание инкрементально-эволюционного характера институциональных изменений. В свете ранее приведенных конкретно-социологических данных мы полагаем необходимым при разработке эффективных систем институциональных взаимодействий ориентироваться, среди прочих, на два следующих важных момента.

1. Поиск путей повышения эффективности систем социальной кооперации должен быть нацелен на изучение форм, адекватных основам институциональной структуры. В этом отношении показательны результаты нашего исследования — люди тяготеют к коллективным формам организации социальной (а не только экономической) жизни (не путать с коллективными формами собственности, которые повсеместно себя дискредитировали); общинно-коллективистские установки, ориентации ощутимо преобладают над частно-индивидуалистическими.

При этом было выявлено два типа приверженцев коллективистско-общинных ориентаций. У представителей деструктивного типа общинно-коллективистские установки сочетаются с невысокой личной ответственностью за свое материальное благосостояние, уравнительными тенденциями и нередко с пренебрежением общественным мнением. Последнее обстоятельство, которое мы попытаемся проверить в других исследованиях, вероятно, указывает на антагонизм, присущий современному российскому общинному менталитету: с одной стороны, достаточно открытое иждивенчество, с другой — безразличие к мнению тех, от кого ждешь помощи, поддержки. Может быть, в этом антагонизме и состоит одна из главных причин деструктивности общинно-коллективистских установок? Другой тип приверженцев коллективной организации социально-экономической жизни на селе сочетает коллективистские установки с личной ответственностью за свое материальное положение, пониманием того, что жизнь человека зависит от него самого, от его личных усилий. Не является ли это нормативно-практической основой новых эффективных форм организации российских институтов (по крайней мере на селе)?

2. Важнейшими условиями построения эффективной системы институтов российского общества является *преодоление незрелости институциональной системы*, повышение уровня требований к обязательности следования моральным и правовым нормам, иными словами, повышение уровня нормативности системы социальных взаимодействий, что приведет к повышению эффективности социальной кооперации. Как показывает исторический опыт, те общества, которые характеризуются высоким уровнем нормативности системы социальных взаимодействий независимо от цивилизационного выбора (Япония это или Голландия, Китай или США), демонстрируют достаточно высокий уровень эффективности.

Литература

- Бергер П., Лукман Н. Социальное конструирование реальности. М, 1996.
- Бессонова О.Э. Раздаточная экономика как российская традиция // *Общественные науки и современность*. 1994. № 3.
- Бессонова О.Э. Раздаточная экономика в ретроспективе // *Общественные науки и современность*. 1998. № 4.
- Виноградский В.Г. Эволюция повседневного существования. Российский двор как субъект рынка: эволюция и перспективы развития // *Мир России*. 1996. № 3.
- Виноградский В.Г. и др. Жизнь Любы Курановской: семья, хозяйство, бюджет // *Социс*. 2002. № 1.
- Калугина З.И. Трансформация аграрного сектора России: проблемы эффективности и адаптации населения // *Мир России*. 2000. № 3.
- Калугина З.И. Парадоксы аграрной реформы в России. Новосибирск, 2000.
- Капелюшников Р.И. И где начало конца? // *Вопросы экономики*. 2001. № 1.
- Кирдина С.Г. Институциональные матрицы: макросоциологическая объяснительная гипотеза // *Социс*. 2001. № 2.
- Кирдина С.Г. Институциональные матрицы и развитие России. М.: 2000.
- Куда идет Россия? Кризис институциональных систем: век, тысячелетие, год // Под ред. Т.И. Заславской. М., 1999.

Современное российское село...

- Мердок Дж.* Фундаментальные характеристики культуры // Антология исследований культуры. Т. 1. СПб. 1997.
- Никулин А.М.* Кубанский колхоз — в холдинг или в аренду? // Социс. 2002. № 1.
- Норт Д.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М., 1997.
- Нуреев Р.М.* Социальные субъекты постсоветской России // Мир России. 2001. № 3.
- Общая социология / Под ред. Эфендиева А.Г. М., 2000.
- Олейник А.* Институциональная экономика // Вопросы экономики. 1999. № 7.
- Олейник А.* Издержки и перспективы реформ в России: институциональный подход // Мировая экономика и международные отношения. 1997. № 12; 1998. № 1.
- Социальная траектория реформируемой России / Под ред. Заславской Т. И. Новосибирск, 1999.
- Трансформация экономических институтов в постсоветской России / Под ред. Р.М. Нуреева. М., 2000.
- Шабанова М.А.* Массовые адаптационные стратегии и перспективы институциональных трансформаций / Мир России. 2001. № 3.
- Эфендиев А.Г.* Особенности становления институтов российского общества (наброски социологического анализа) // Общая социология / Под ред. Эфендиева А.Г. М., 2000.
- Эфендиев А.Г.* Социальные институты: структуры повседневности // Общая социология. М., 2000.
- Ядов В.А.* Теоретическая социология в России: проблемы и решения // Общество и экономика. 1999. № 3—4.